

ЗАПИСКИ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КАРАТЫГИНА.

I ¹⁾.

Встарину, на всѣхъ европейскихъ театрахъ, каждый изъ артистовъ, составляющихъ труппу, имѣлъ свое таяъ называемое амплуа, т. е. занималъ роли, принадлежащія ему по физическимъ его средствамъ, по его годамъ и таланту.

Актеръ или актриса, напримѣръ, занимающіе трагическія или драматическія роли, никогда не брали на себя исполненія комическихъ ролей, и—наоборотъ. Повятное дѣло, что пожилой актеръ былъ бы смѣшонъ въ роляхъ *jeune premiers*, а устарѣлая актриса была бы нена своемъ мѣстѣ въ роляхъ невинныхъ дѣвицъ (*ingénues*).

---

¹⁾ Записки Петра Андреевича Каратыгина, съ 1872 года, появляются, время отъ времени, на страницахъ «Русской Старины» и какъ редакція, такъ и читатели нашего изданія, всегда съ удовольствіемъ встрѣчаютъ эти живые, искренніе и мастерски изложенные очерки. Такъ какъ каждый изъ нихъ составляетъ дѣйствительно отдѣльный очеркъ, то разобщенность ихъ при появленіи въ различныхъ годахъ «Русской Старины» ни мало не отнимаетъ у нихъ интереса. Тѣмъ не менѣе, намъ остается пожелать, чтобы глубоко уважаемый ветеранъ русской сцены—возможно чаще дѣлился съ нашими читателями своими воспоминаніями.

Донныѣ были нами напечатаны слѣдующіе очерки и главы изъ Записокъ П. А. Каратыгина: «Грибоѣдовъ» въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V; «Русскій театръ при Александрѣ I-мъ»—въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. VI; «Театръ въ 1820—1833 гг.»—изд. 1873 г., т. VII; «Театръ и драматическая труппа въ 1830—1841 гг.»—т. VIII; «Наводненіе въ 1824 г.»—въ «Русской Старинѣ» 1874 г., т. IX; «Театръ при Александрѣ I-мъ и 14-е декабря»—изд. 1875 г., т. XII; «Русская труппа въ 1826—1836 гг. въ изд. 1876 г., т. XV; «Мое дѣтство, мои родители, поступленіе и пребываніе въ театральную школу;—праздникъ въ Павловскѣ въ 1814 г.»—въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX.

Ред.

Бывали исключенія, но они весьма рѣдки; не всѣ же актрисы М-ше Марсъ или Дежазе, которыя были одарены отъ природы такою наружностью, что и вторая ихъ молодость была продолженіемъ первой. Съ годами, артисты, конечно по неволѣ, должны перемѣнять прежнее свое амплуа.

Трагическій элементъ совершенно противоположенъ комическому. Странно бы было, напримѣръ, еслибъ мой покойный братъ, съ его колоссальнымъ ростомъ, звучнымъ голосомъ, съ серьезнымъ типомъ лица, вздумалъ играть Молчалина или Хлестакова, а Павелъ Васильевичъ Васильевъ, съ его приземистою фигурою и глухимъ голосомъ — взялся исполнить Гамлета... Впрочемъ, этотъ послѣдній, какъ говоритъ закулисная хроника, не задолго до своего удаленія со сцены петербургскаго театра, хотѣлъ рискнуть на эту курьезную выходку благодаря совѣтамъ какихъ-то театраловъ, которые увѣрили его, что для истиннаго таланта нѣтъ ничего невозможнаго: почему же-де Гамлетъ не могъ своею наружностью походить на какого нибудь Любима Торцова? (Въ которомъ Васильевъ, дѣйствительно, былъ совершенно на своемъ мѣстѣ). Какъ ни смѣшно такое предположеніе, но комикъ этому повѣрилъ, и не только выучилъ нѣсколько монологовъ и сценъ изъ этой трагедіи, но даже, въ одномъ изъ нашихъ клубовъ, въ интимномъ кружкѣ, послѣ обѣда, продекламировалъ ихъ; и эти совѣтники и знатоки драматическаго искусства, говорятъ, были въ восторгѣ... а, впрочемъ, почему же бы Васильеву не посягнуть на принца Гамлета, если онъ рѣшился играть царя Ивана Грознаго, объ исполненіи котораго многіе критики тогда отнеслись весьма одобрительно...

Въ Москвѣ, тоже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный Провъ Михайловичъ Садовскій поддался тѣмъ же совѣтамъ театралныхъ реалистовъ и въ свой бенефисъ сыгралъ короля Лира; сборъ, конечно, былъ громадный, но увы! даже самые страстные его поклонники должны были сознаться, что талантливый артистъ взялся не за свое дѣло, и въ этотъ злополучный вечеръ онъ потерпѣлъ полное fiasco; онъ, кажется, не только не повторилъ этой роли, но, говорятъ, послѣ самъ смѣялся надъ своею траги-комичною выходкой.

Здѣсь мнѣ припомнился подобный курьезъ, бывшій очень давно на нашей сценѣ:

Въ одномъ изъ бенефисовъ знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновны Семеновой, вздумалось ей сыграть, вмѣстѣ съ оперною актрисой Софьей Васильевной Самойловой, въ известной комедіи «Урокъ дочкамъ», соч. И. А. Крылова. Въ ту пору онѣ были уже матери семейства, въ почтенныхъ лѣтахъ и довольно объемистой полноты. Дѣдушка Крыловъ не полѣнился придти въ театръ взглянуть на своихъ раздобрѣвшихъ дочекъ.

По окончаніи комедіи, кто-то спросилъ его мнѣнія.

— «Что-жь, — отвѣчалъ дѣдушка Крыловъ, — онѣ обѣ, какъ опытыя актрисы, сыграли очень хорошо, только названіе комедіи слѣдовало бы перемѣнить: это былъ урокъ «не дочкамъ, а бочкамъ»».

Изъ этого анекдота легко можно вывести заключеніе, что и въ прежнее доброе старое время, даже высокоталантливые артисты не чужды были иногда сфарсать, ради бенефисной аферы. Впрочемъ, къ чести ихъ надобно прибавить, что такія выходы были очень рѣдки. Но нынѣшніе артисты, уже не исключительно для бенефиснаго интереса, а просто изъ желанія захватить въ свой репертуаръ побольше ролей¹⁾, окончательно уничтожили значеніе стариннаго амбуа и... и «смѣшались пашки»... а потому-то: сегодня вы видите актеровъ въ роляхъ молодыхъ повѣсь и страстныхъ любовниковъ, а завтра, они же являются дряхлыми стариками; сегодня они комики, доходящіе до фарса, а завтра имъ Шекспиръ и Шиллеръ ни почемъ.

Въ классическихъ трагедіяхъ самое жалкое амбуа занимали такъ называемые наперсники и наперсницы (*confidants et confidentes*). Эти личности изображали какихъ-то автоматовъ, которымъ герои и героини піесы повѣряли свои сердечныя тайны; они съ подобострастнымъ молчаніемъ ихъ выслушивали, ожидая своей реплики, и уходили со сцены, по привязанію своихъ принципаловъ. Во всѣхъ почти старинныхъ трагедіяхъ, наперникомъ моего брата былъ актеръ NN, который отличался какою-то флегматичною, неподвижною фізіономіей; что бы ему ни говорили — радостное или печальное, ни одинъ мускулъ его лица бывало, не пошевелится. Однажды, братъ мой посоветовалъ ему

¹⁾ Такое рвеніе, при поспектакльной платѣ, конечно, нельзя назвать безкорыстною любовью къ искусству.

быть немножко пооживленнѣе, чтобы онъ постарался выразить мимикой, какое нибудь участіе къ его словамъ; тотъ поблагодарилъ его за совѣтъ и обѣщалъ постараться, но злодѣй вечеромъ скорчилъ такую плачевную мину, что мой братъ, при всей своей классической серьезности, едва могъ удержаться отъ смѣха и поторопился отъ него отвернуться... Затѣмъ, въ слѣдующій разъ, попросилъ его лучше не измѣнять прежней своей физиономіи.

Другой трагическій наперсникъ былъ, въ то время, актеръ Калининъ, ученикъ кн. Шаховскаго. Онъ недурно читалъ стихи и могъ бы назваться даровитымъ актеромъ, еслибъ не слишкомъ увлекался классическою восторженностью и былъ повоздержнѣе на счетъ даровъ Бахуса. Здѣсь мнѣ пришелъ на память одинъ комическій анекдотъ, случившійся съ этимъ трагикомъ.

Онъ былъ страстный поклонникъ моего брата и Брянскаго. Однажды, кажется, въ день своего рожденія, онъ пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ на завтракъ и хвастался угостить ихъ пельменями собственнаго своего приготовленія, такъ какъ онъ былъ сибирскій уроженецъ. Жилъ онъ одиновимъ холостякомъ, и хотя у него была кухарка, но она стряпала только для себя, а онъ постоянно обѣдалъ въ трактирѣ (Отель-дю-Нордъ), находившемся отъ него черезъ два дома.

Вотъ, наступило утро и Калининъ принялся за стряпню, приготовилъ свои знаменитыя пельмени, положилъ ихъ на противень, отнесъ на чердакъ (онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ) и поставилъ подъ слуховымъ окномъ, такъ какъ, по его словамъ, онѣ должны побыть около часу въ холодномъ мѣстѣ... Бульонъ, со всѣми снадобьями, кипѣлъ ключомъ, столъ накрытъ, закуска поставлена; все, казалось, было въ порядкѣ; хозяинъ только поглядывалъ на часы, ожидая съ нетерпѣніемъ дорогихъ гостей. Какъ вдругъ дверь отворилась и на порогъ явился неожиданный гость, товарищъ его по академіи художествъ, нѣкто Заборовскій, пьяный до того, что надо было подивиться, какъ онъ могъ добраться до четвертаго этажа...

Калининъ ошалѣлъ и готовъ былъ въ эту минуту послать его ко всѣмъ чертямъ.

— Ну, братъ, Заборовскій,—сказалъ онъ ему,—не во-время тебя принесло ко мнѣ: у меня будутъ завтракать Каратыгинъ и Брянскій, они сейчасъ придутъ сюда съ репетиціи...

— Экая важность! Я имъ не помѣшаю,—возражаетъ ему, съ чувствомъ собственнаго своего достоинства, незванный гость.

— Нѣтъ, нѣтъ, убирайся пожалуйста; я тебя и трезваго-то не пригласилъ бы въ ихъ компанію, а ты посмотри на себя, на что ты похожъ? приходи послѣ, когда они уйдутъ...

— Нѣтъ, братъ, не уйду; съ друзьями такъ не поступаютъ... старый другъ лучше новыхъ двухъ...

Но Калининъ, безъ церемоніи, выпроводилъ стараго друга въ сѣни и заперъ дверь на ключъ... Оскорбленный и униженный другъ нѣсколько минутъ постоялъ въ раздумьи, придерживаясь за замочную ручку. Спускаться обратно по лѣстницѣ было дѣло рискованное, къ тому же сонъ одолевалъ его, и изгнанный другъ полѣзъ ощупью на чердакъ; тамъ, въ темнотѣ, не разбирая мѣста, повалился со всѣхъ ногъ и заснулъ сномъ невинности. Наконецъ, пришли званые гости, хозяинъ пригласилъ ихъ къ закускѣ, въ ожиданіи общанныхъ пельменей.

— Ну, что, Петръ Ивановичъ, за вкусъ не берешься, а горячо сдѣлаешь?—спросилъ его Брянскій.

— Нѣтъ, извините, Яковъ Григорьевичъ,—отвѣчалъ самоувѣренно Калининъ,—за что другое не взыщите, а ужъ пельмени вамъ подамъ такія, какихъ нѣкто въ Петербургѣ не состряпаетъ...

Съ этими словами онъ побѣжалъ на чердакъ... Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышался шумъ, крикъ и руганя, и въ комнату вбѣжалъ Калининъ, блѣдный, растрепанный и въ совершенномъ изступленіи... «Что случилось?»—спрашиваютъ его гости... онъ трясется и, отъ ужаса, не можетъ выговорить ни слова... Вскорѣ дѣло объяснилось, когда вошелъ въ комнату виновникъ этой плачевной катастрофы, весь облѣпленный пельменями... съ полсотни пирожковъ присохли къ его растрепаннымъ волосамъ, къ спинѣ, и такъ далѣе... Заборовскій началъ рекомендоваться гостямъ, которые помирали со смѣху, а Калининъ, въ отчаяніи, готовъ былъ, какъ новый Ватель, зарѣзаться отъ этого позора! Долго послѣ этого курьезнаго завтрака бѣдному Калининъ не было прохода за кулисами, и тамъ многіе его просили научить ихъ стряпать «сибирскія пельмени».

II.

Въ 1833 году былъ назначенъ директоромъ петербургскихъ театровъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Геденовъ, служившій до того времени въ Москвѣ, при Оружейной палатѣ. Предшественникъ его кн. Гагаринъ, какъ я уже говорилъ прежде, былъ гордый аристократъ, недоступный для подчиненныхъ. Новый директоръ, съ перваго своего шага, оказался человѣкомъ совсѣмъ другаго склада и характера. Когда артисты всѣхъ труппъ ему представлялись, онъ былъ одинаково привѣтливъ, простъ и любезенъ съ каждымъ изъ нихъ. Можно сказать, что первымъ своимъ дебютомъ онъ сумѣлъ расположить всѣхъ въ свою пользу. Вступивъ въ должность, онъ обратилъ особенное вниманіе на драматическую труппу, бывшую, при князѣ Гагаринѣ, въ полномъ пренебреженіи. Геденовъ посѣщалъ нашъ театръ почти ежедневно; замѣчалъ успѣхи молодыхъ артистовъ и поощрялъ ихъ или похвалою или матеріальнымъ вознагражденіемъ. Въ первый же годъ своего директорства, онъ занялся переустройствомъ Театрального училища: его ходатайствомъ и стараніемъ было приобрѣтено огромное зданіе противъ Александринскаго театра, въ собственность дирекціи; туда вскорѣ были переведены: театральная школа, контора, швальня, гардеробъ и нотная контора, находившіяся, до того времени въ разныхъ домахъ; тутъ же отведены были квартиры школьнымъ учителямъ, гувернерамъ и театральнымъ чиновникамъ.

По его домогательству, театральнѣй бюджетъ былъ значительно увеличенъ... короче сказать, хозяйственная часть и вообще театральная администрація измѣнилась во многомъ въ лучшему. До Геденова драматическая и оперная труппы не были раздѣлены, и оперные артисты, какъ-то: Осипъ Аванасьевичъ Петровъ, Ефремовъ, Шемаевъ и другіе, участвовали въ драматическихъ спектакляхъ; потомъ онъ уничтожилъ обыкновеніе давать малыя комедіи и водевили передъ балетомъ, какъ говорится, для сѣзда, что, конечно, не могло быть пріятно для актеровъ, потому что на ихъ игру публика не обращала никакого вниманія и хлопала... только дверями. Въ то время покойный И. И. Сосницкій, какъ старшій артистъ (которому, конечно, не весело было играть для

свѣзда), передалъ мнѣ нѣсколько ролей изъ своего репертуара, какъ-то: «Воздушные замки», «Шалости влюбленныхъ», «Своя семья», «Говорунъ» и друг. Кажется, Гедеенову также мы были обязаны уничтоженіемъ такъ называемыхъ «анонсовъ», т. е. возвѣщеній публикѣ о спектакляхъ на слѣдующіе дни. Эта традиція, вѣроятно, вела свое начало съ того времени, когда еще не печатались афиши. Молодые артисты обязаны были ежедневно, по очереди, являться въ театръ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и въ одномъ изъ антрактовъ, выйдя за переднюю завѣсъ, анонсировать, что «завтра на здѣшнемъ театрѣ представлена будетъ такая пѣса, а на Большомъ такая-то». Если приходились тутъ бенефисы, то и объ нихъ надо было сообщить. Особенно на масляницѣ, при утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ, эти нелѣпые анонсы были просто нестерпимы. Старшіе актеры были, конечно, избавлены отъ этого удовольствія...

Впрочемъ, я помню однажды, въ чей-то бенефисъ, Сосницкій игралъ «Говоруна» (ком. Хмѣльницкаго). Въ концѣ пѣсы, онъ остается одинъ на сценѣ—и вмѣсто послѣднихъ стиховъ:

«Но мнѣ пересказать объ этомъ остается
И всѣмъ и каждому, кто первый попадется».

Онъ (обращаясь къ публикѣ) замѣнилъ ихъ слѣдующими:

«Но, чтобы, наконецъ, васъ чѣмъ нибудь занять,
Позвольте честь имѣть теперь же вамъ сказать».

«Завтрашній день, на здѣшнемъ театрѣ, російскими придворными актерами представлено будетъ», и проч... Аплодисменты и общій хохотъ перервали эту неожиданную выходку любимаго артиста и фарсъ удался вполне.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ послѣдовалъ высочайшій указъ, по которому артисты императорскихъ театровъ, перваго разряда, прослужа двадцати-лѣтній срокъ, имѣютъ право получать потомственное почетное гражданство. Этою милостью мы были обязаны инициативѣ и ходатайству А. М. Гедеенова; и можно сказать, что это было дѣйствительно капиталное доброе дѣло, сдѣланное имъ для артистовъ. До того времени, званіе придворнаго артиста не имѣло никакого опредѣленнаго положенія въ обществѣ. Хотя они и дѣти ихъ не принадлежали къ податному состоянію,

но собственно никакими гражданскими правами не пользовались. Придворные пѣвчіе, напримѣръ, получали чины, по выслугѣ положенныхъ лѣтъ; но чиновники, поступая на сцену, не имѣли права пользоваться своими чинами и лишались ихъ въ продолженіи своей службы при театрѣ. Вслѣдствіе такого правила, кн. Тюфякинъ (о которомъ я говорилъ въ прежнихъ главахъ моихъ Записокъ на страницахъ «Русской Старины») и посадилъ актера Булатова на сѣвъжій дворъ, хотя онъ имѣлъ тогда чинъ титулярнаго совѣтника. Понятное дѣло, что царская милость не могла не вызвать въ нашемъ закулисомъ мірѣ общаго восторга—и старшіе артисты того времени почли за долгъ благодарить директора, который былъ главнымъ виновникомъ этой милости, и, въ память совершившагося событія, преподнести ему какой нибудь вещественный знакъ ихъ признательности. По испрошеніи предварительно, черезъ министра двора кн. Петра Михайловича Волконскаго, высочайшаго соизволенія, артистами былъ тогда заказанъ изящный серебряный кубокъ съ позолотой, приличными атрибутами и надписями, съ такимъ же блюдомъ, на которомъ были вырѣзаны фамиліи артистовъ, участвовавшихъ въ подпискѣ для этого подарка... И вотъ, въ одно прекрасное утро, старшіе артисты драматической, оперной и балетной труппы явились съ своимъ приношеніемъ къ Александру Михайловичу. Онъ былъ глубоко тронутъ изъявленіемъ нашей благодарности... и черезъ нѣсколько дней мы получили приглашеніе къ нему на обѣдъ. Первый тостъ, какъ слѣдуетъ, былъ предложенъ хозяиномъ за здоровье государя императора и всѣ единымъ сердцемъ и устами провозгласили ему многая лѣта! Второй тостъ артисты не замедлили провозгласить за здоровье радушнаго хозяина, а третій тостъ былъ выпить, по предложенію Александра Михайловича, за процвѣтаніе искусства и за успѣхи русскаго театра.

Обѣдъ прошелъ шумно и весело... Вообще этотъ достопамятный день имѣлъ характеръ какого-то семейнаго праздника и оставилъ въ насъ самыя отрадныя впечатлѣнія и надежды. Прежніе директора не пріучили артистовъ къ подобному обхожденію, держали ихъ въ почтительномъ отдаленіи отъ себя, а иные держали ихъ, какъ говорится, просто въ черномъ тѣлѣ. Мы всѣ были обворозены лаской и любезностью нашего новаго начальника, намъ тогда казалось, что судьба, наконецъ, сжалилась надъ русскимъ

театромъ и послала намъ директора, который съ любовью будетъ стараться объ успѣхахъ нашей родной сцены; что онъ будетъ смотрѣть на артистовъ, какъ на свободныхъ художниковъ, которые могли бы ему иногда, не стѣсняясь, откровенно высказывать свои мнѣнія, не подражая Молчалину:

«Что намъ — (дескать) не должно смѣть
«Свое сужденіе имѣть.»

Да, все это, конечно; многимъ изъ насъ приходило тогда на мысль.. но увы!! не всегда безоблачное утро бываетъ порукой хорошаго дня. Отдавая справедливость полезной дѣятельности покойнаго Александра Михайловича въ продолженіе первыхъ годовъ его управленія театрами, та же справедливость обязываетъ меня показать и оборотную сторону медали...

Хотя и говорить латинская пословица «De mortuis aut bene, aut nihil», но еслибъ слѣдовать этой добродушной пословицѣ, тогда бы и исторію нельзя было писать... Есть люди, которые (какъ увѣряли астрологи) явились на свѣтъ подъ счастливою звѣздой, или (какъ гласитъ народная поговорка) родились въ сорочкѣ. Эти баловни природы, безъ особенныхъ трудовъ и способностей, быстро выдвигаются впередъ, имъ все удается: задушаютъ они жениться — невѣсты попадаютъ имъ съ богатыми придаными, а если таковаго не имѣется въ наличности, то судьба пошлетъ имъ красавицу жену, которая поможетъ мужу занять видное мѣсто въ общественномъ положеніи и благодѣтельно поспособствуетъ его карьерѣ по службѣ... Такъ или иначе, но Александру Михайловичу по службѣ постоянно везло. Всѣ близко знавшіе его должны согласиться, что онъ былъ человекъ очень добрый; но и добрые люди бываютъ своенравны, капризны, самолюбивы и упрямы, а съ такими качествами и отъ добрыхъ людей можетъ произойти много зла. Не даромъ же сказалъ какой-то французъ или италіанецъ, что добрыми желаніями и намѣреніями адъ вымощенъ. У Александра Михайловича былъ очень странный характеръ или, лучше сказать, у него не было никакого. Онъ былъ иногда вспыльчивъ до безразсудства и упрямя до ребячества; самолюбіе его нивогда не допускало въ немъ мысли, что онъ можетъ въ чемъ-нибудь ошибиться. Трудно мнѣ теперь опредѣлить: съ котораго времени началъ онъ утрачивать прежнюю симпатію къ себѣ въ своихъ подчиненныхъ; но едва-ли

не съ тѣхъ поръ, какъ лишился своей доброй и милой жены... только положительно можно сказать, что съ этого времени онъ охладѣлъ къ драматической и оперной труппамъ и обратилъ все свое вниманіе сперва на балетную часть, а потомъ на французскій театръ. Прелестная попрыгунья Терпсихора дала *coup de pied* и Талии и Мельпоменѣ, и нашъ александринскій пасынокъ опять отодвинулся на задній планъ. Въ доказательство тому можно привести на память, какъ въ то время монтировались драматическіе спектакли; на постановку новой пьесы режиссеру съ трудомъ удавалось выпросить у дирекціи нѣсколько десятковъ рублей... Грустно вспомнить, въ какихъ жалкихъ и разнокалиберныхъ костюмахъ, при какихъ безобразныхъ декораціяхъ, представлялись тогда «Гамлетъ», «Лиръ», «Донъ-Карлосъ», «Разбойники» и многія другія пьесы ¹⁾.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ни при одномъ изъ директоровъ, предшествовавшихъ Гедеонову, театральная дирекція не имѣла такого огромнаго бюджета, получая чуть-ли не ежегодно значительныя къ нему прибавки, и при всемъ томъ, въ концѣ года, оказывался постоянный дефицитъ... Изъ этого можно заключить, что Гедеоновъ былъ нерасчетливый администраторъ; онъ тратилъ десятки тысячъ безъ всякой пользы для театра и отказывалъ въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей, въ которыхъ бывала крайняя необходимость...

Въ ту пору была въ Театральномъ училищѣ, въ числѣ другихъ воспитанницъ, одна юная дочь Терпсихоры, единственная дочь какой-то простой, бѣдной женщины; ее звали Еленой.. имя знаменательное: отъ ея тезки погибла Троя, и Мейерберовъ Бертрамъ (въ «Робертѣ») изъ цѣлаго кордебалета прелестныхъ дѣвъ, возставшихъ изъ могильныхъ склеповъ, избралъ Елену соблазнить Роберта-дьявола. Хотя Елена Театральнаго училища не могла назваться прекрасною Еленой, но она была ловка и граціозна... Его превосходительство, какъ я уже выше сказалъ, былъ тогда

¹⁾ За весь двадцатипятилѣтній періодъ директорства А. М. Гедеонова, только двѣ пьесы: «Русская свадьба» (П. П. Сухонина) и «Деньщикъ» (Н. В. Кукольникъ) удостоились истинно великолѣпной обстановки. Но и тутъ вся заслуга директора заключалась лишь въ его соизволеніи на неотступныя просьбы его секретаря и тогдашняго члена ренертуарной части Е. М. Семенова.

вдовець; онъ обратилъ особенное вниманіе на развивающійся талантъ этой воспитанницы, подававшей большія надежды... а надежда и любовь—родныя сестры. Юная дѣва не могла не замѣтить особенной къ себѣ благосклонности или, короче сказать, склонности своего начальника и потому, подавая надежды относительно своего искусства, она, какъ дѣвушка себѣ на умѣ, рассчитала не лишать надежды своего начальника. Хотя ему тогда было уже далеко за 60 лѣтъ, но звѣзды блистали на его груди и всеильное его могущество пророчило ей блестящую перспективу взойти на театральнѣй горизонтъ звѣздою первой величины. Расчетливая дочь Терпсихоры не рѣшилась пренебрегать отеческимъ вниманіемъ своего протектора. Если она не могла его полюбить, то почему же было ей не покетничать съ нимъ, въ ожиданіи будущихъ благъ. Какъ бы то ни было... но они сблизились и его превосходительство нашель, что ей оставаться въ училищѣ долѣе не къ чему, что она довольно уже успѣла въ хореграфическомъ искусствѣ, и онъ поторопился выпустить ее изъ училища... Онъ, какъ всеильный султанъ, могъ, конечно, рассчитывать на безмолвную покорность доморощенной одалиски, но эта хитрая одалиска повела свое дѣло иначе, и горделивый султанъ, какъ Магометъ II, подчинился обворожительной Роксоланѣ. Любовь, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ дѣлала чудеса. Если она заставила суроваго деспота и хитроумнаго кардинала Ришелье танцовать съ кастаньетами передъ Анной Австрійской, то чему же удивляться, что закулисный султанъ началъ плясать по дудѣ ловкой танцорки. Сдѣлавшись фавориткой директора, она сумѣла до того овладѣть имъ, что онъ готовъ былъ исполнять ея малѣйшія желанія и снисходить къ ея капризамъ; тогда, разумѣется, многіе изъ балетнаго люда начали искать ея протекціи, а такъ какъ она дѣлала все, что хотѣла, изъ своего протектора, то тутъ зачастую хромала справедливость по балетной части.

Получивъ такой прочный апломбъ на сценѣ и за вулисами, юная дочь Терпсихоры, конечно, не могла имѣть соперницъ, которыя бы осмѣлились стать съ нею на одну доску... Всѣ новыя балеты того времени ставились собственно для нея. Но... увы! будучи фавориткой директора, она не могла сдѣлаться любимицею публики. Озлобленные театралы, обожатели другихъ танцов-

щипць, можетъ быть, болѣе даровитыхъ нежели она, зачастую ей шивкали, что много вредило по службѣ тѣмъ изъ ея подругъ, которыя рѣшались съ нею соперничать. Въ то время знаменитая Фанни Эльслеръ прислала въ дирекцію изъ-за границы предложеніе ангажировать ее на нѣсколько представленій, но, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ безъ зова. Геденовъ принималъ ее очень холодно и сказалъ ей, что, по финансовымъ соображеніямъ, онъ не имѣетъ возможности въ настоящее время исполнить ея желаніе, зная навѣрно, что такой могучій талантъ срѣжется съ ногъ его фаворитку; но покойный государь Николай Павловичъ, узнавъ о пріѣздѣ Ф. Эльслеръ, пожелалъ ее видѣть и пригласилъ дебютировать въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ.

Въ этотъ спектакль шли двѣ піесы: одна французская, другая русская (въ которой я участвовалъ), а въ антрактѣ должна была танцовать Эльслеръ свою чудную качучу. Геденовъ, по своей обязанности, конечно, былъ, сверѣпя сердце, присутствовать на этомъ представленіи. Часа въ 4, всѣ артисты, участвующіе въ спектаклѣ, были приглашены въ одну изъ дворцовыхъ комнатъ въ обѣденному столу; русскіе артисты заняли одну половину, французскіе—другую; между послѣдними помѣстилась и Фанни Эльслеръ. Подлѣ меня сидѣлъ Василий Васильевичъ Самойловъ, и мы съ нимъ замѣтили, что французскіе артисты, въ угоду-ли директору, или изъ національной гордости, какъ-то холодно относились къ знаменитой нѣмецкой гостьѣ. Это возбудило въ насъ досаду... Только что налили намъ въ бокалы шампанское, я шепнулъ Самойлову: «хватимъ-ка, братъ, за ея здоровье!» и тутъ же оба съ нимъ вытянулись во весь ростъ и дружно гаркнули: «à la santé de la célèbre Elssler!» Всѣ поднялись вслѣдъ за нами, подняли бокалы, и французское «vive Elssler!» слилось съ русскимъ громогласнымъ «ура!!» Можетъ быть, французскимъ артистамъ была и не по вкусу наша выходка, но мы съ Самойловымъ были очень довольны тѣмъ, что намъ первымъ довелось чествовать знаменитую гостью. Она, конечно, не могла не замѣтить, кто были запѣвалы этой оваціи, и наградила насъ привѣтливымъ поклономъ и очаровательнымъ своимъ взглядомъ. Фанни Эльслеръ, какъ и слѣдовало ожидать, произ-

вела въ этотъ спектакль фуроръ. Государь, вся царская фамилія и весь дворъ были въ восторгѣ.

Эльслеръ дебютировала на Большомъ театрѣ въ балетѣ «Жизель», который не пользовался особенною любовью публики, и едва-ли этотъ выборъ зависѣлъ отъ нея самой. Можетъ быть, дирекція нашла какое-нибудь затрудненіе назначить другой балетъ, болѣе эффектный. Я какъ теперь помню этотъ спектакль. Петербургская публика иногда удивляетъ своими странностями: то она повѣритъ на-слово заграничнымъ отзывамъ объ артистѣ и приметъ его съ шумными аплодисментами, то какъ-то недобрычиво отнесется къ нему, не смотря на европейскую его славу ¹⁾. Последнее случилось и съ Фанни Эльслеръ: при первомъ ея выходѣ въ упомянутомъ балетѣ встрѣтилъ ее ледяной холодъ, ни одна рука не пошевелилась для аплодисмента; у другой танцовки ноги бы подкосились, но она была не такова. «А! господа (конечно, подумала она), вотъ какъ! вы не вѣрите тому, что было обо мнѣ писано въ Европѣ, такъ я же вамъ докажу, съ кѣмъ вы имѣете дѣло»... и—пошла писать на славу! Только она кончила свое первое разъ, какъ весь театръ разразился оглушительнымъ аплодисментомъ. Вскорѣ, по высочайшей волѣ, ее ангажировали въ Петербургъ на три года.

Понятно, что при такомъ свѣтилѣ, явившемся на нашемъ балетномъ горизонтѣ, счастливая звѣзда директорской фаворитки должна была померкнуть. Тогда Гедеоновъ былъ уже директоромъ театровъ въ обѣихъ столицахъ и онъ, съ горя, заблагоразсудилъ перевести петербургскую Елену на московскую сцену; но и туда переселилась она не на радость. Московскіе театралы, поклонники первой тогдашней балерины Санковской и другихъ танцовщицъ, начали враждебно преслѣдовать петербургскую незваную гостью, и зачастую угощали ее пиваньемъ... Москва за своихъ стоитъ герой и эксцентричный антагонизмъ этихъ балетмановъ дошелъ, наконецъ, до того, что въ одно изъ представлений какого-то балета, въ которомъ первенствовала петербургская Елена, выброшена была изъ верхней ложи къ ея ногамъ—

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что знаменитая Тальони, восхизавшая Петербургъ за 10 лѣтъ до Фанни Эльслеръ, при первомъ своемъ появленіи (въ балетѣ «Сильфида») была привѣтствована громкими рукоплесканіями. П. К.

мертвая кошка! Мнѣніе, конечно, перешло уже границы всякихъ приличій; но когда разгуляется московская широкая натура, она принимаетъ чудовищные размѣры.

Виновнаго ¹⁾, разумеется, не отыскали, но послѣ этой кошки его превосходительство началъ звѣремъ смотрѣть на московскій балетъ и сократилъ прежніе на него расходы.

О дальнѣйшихъ похожденияхъ Елены я не помню подробностей, знаю только, что она возвратилась, по отъѣздѣ Эльслеръ, въ Петербургъ, а потомъ уѣхала въ Парижъ, кажется, тамъ танцевала, безъ особеннаго успѣха, на сценѣ Большой Оперы и, наконецъ, умерла въ Парижѣ въ 1857 году. По слухамъ, она была добрая женщина и зачастую укрощала вспыльчиваго и раздражительнаго своего патрона, черезъ котораго, можетъ быть, приходилось ей терпѣть иногда напраслину и клевету. Хотя Ф. Эльслеръ уже не въ первой своей молодости посѣтила Петербургъ, но дивнымъ своимъ талантомъ, граціей и особенно мимикой, могла обворожить любого юношу... о старикахъ я уже не говорю; они всѣ были отъ нея безъ ума, вромѣ Гедеонова, разумеется, который не обращалъ никакого вниманія на ея сценическое торжество и видѣлъ въ ней только нарушительницу своего завуалистаго счастья.

Балетмейстеръ Перро поставилъ для Ф. Эльслеръ нѣсколько новыхъ балетовъ, съ прекрасною музыкой композитора Пуни ²⁾; замѣчательнѣйшій изъ нихъ «Катарина, дочь разбойника», гдѣ она обнаружилъ въ полной силѣ свой огромный талантъ. Надо сказать, что и окружавшія ее, въ то время, танцовщицы чуть-ли не на подборъ были красавицы; знаменитый танецъ съ ружьями (*pas de fusils*), подъ предводительствомъ Катарины, производилъ постоянный восторгъ въ публикѣ.

Помню я еще небольшой балетъ, соч. Перро, подъ названіемъ «Мечта художника», въ которомъ наша будущая знаме-

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, покойный Павелъ Александровичъ Булгаковъ (родной братъ известнаго Константина Булгакова) сознался, что онъ былъ виновникомъ этой дикой шутки. Не понимаю, къ чему было печатно признаваться! Лучше бы было, еслибъ эта тайна умерла вмѣстѣ съ нимъ.

²⁾ Балетъ «Эсмемалда», соч. Перро, былъ поставленъ, еще до его пріѣзда въ Петербургъ, самою Фанни Эльслеръ.

нитость Муравьева представляла амура; ей тогда было лѣтъ 13. Я видѣлъ какъ за кулисами, въ одно изъ представлений этого балета, Эльслеръ цѣловала ее, какъ бы меньшую сестру и наследницу ея славы. При окончаніи трехлѣтняго ангажемента Ф. Эльслеръ, Гедеоновъ, по обоюдному соглашенію съ Перро, пригласилъ изъ Парижа танцовщицу Карлотту Гризи (Гризи была фавориткою Перро), а Ф. Эльслеръ предложилъ на одинъ сезонъ перейти на московскій театръ. Въ Петербургѣ Гризи, смѣнивъ Фанни, не замѣнила ея, а Фанни въ Москвѣ производила таковой же фуроръ, какъ и въ Петербургѣ, потому что ей не могли помѣшать никакія московскія знаменитости.

III.

Для полнаго описанія личности А. М. Гедеонова, я долженъ упомянуть еще объ нѣкоторыхъ чертахъ его страннаго характера. У него была претензія создавать самому таланты и хотя его креатуры, по большей части, не пользовались успѣхами на сценѣ, но всегда загоразживали дорогу людямъ, имѣвшимъ истинное дарованіе. Къ первокласснымъ артистамъ онъ вообще относился какъ-то недоброжелательно и, при случаѣ, всегда готовъ былъ сдѣлать имъ что нибудь неприятное; такъ, напримѣръ: Тальони, Ф. Эльслеръ, — Рубини, Тамбурины, французскіе артисты Алланъ (мужъ и жена), Брессанъ, покойный мой братъ, жена его, В. В. Самойловъ, сестра его Вѣра Васильевна и нѣкоторые другіе—зачастую имѣли съ нимъ неприятыя объясненія и столкновенія. На молодыхъ же актеровъ и актрисъ, начинавшихъ пользоваться любовью публики, или обратившихъ на себя вниманіе высокопоставленныхъ особъ, Гедеоновъ всегда косо поглядывалъ, какъ бы въ предупрежденіе, чтобы они не вздумали забыться передъ нимъ, будто желая имъ сказать: «вы-де не слишкомъ надѣйтесь на покровительство кого бы то ни было, а безъ меня немного отъ этого выиграете!»

Упомянувъ выше о Тальони, я не могу обойти молчаніемъ одну щекотливую исторію, случившуюся съ Гедеоновымъ во время ея пребыванія въ Петербургѣ; рассказы объ этомъ происшествіи долго гуляли по городу съ разными прибавленіями.

Былъ у Александра Михайловича старинный пріятель, отставной заслуженный генераль, георгіевскій кавалеръ, остзейскій баронъ Левенштернъ—страстный поклонникъ Тальони; но такъ какъ онъ былъ человекъ вовсе не богатый, то, пользуясь пріятельскими отношеніями къ Гедеонову, постоянно бывалъ въ его директорской ложѣ. Однажды, на вечерѣ у графа Воронцова-Дашкова, Гедеоновъ, сидя за картами, бранилъ Тальони и говорилъ, что напрасно эта старуха къ намъ пріѣхала, что теперь зачастую, при ея представленіяхъ, театръ бываетъ далеко не полонъ, и публика явно къ ней охладѣла. Баронъ Левенштернъ не могъ не вступить за свою любимицу и сказалъ, что это не справедливо, что онъ не пропускаетъ ни одного ея представленія.

— Чтожъ мудренаго, — сказалъ Гедеоновъ, съ язвительною улыбкой, — вы всегда у меня въ ложѣ и смотрите даромъ, а не за деньги.

Раздраженный баронъ кинулъ карты, вскочилъ изъ-за стола и бросился на своего неделикатнаго пріятеля. Окружавшіе ихъ гости, конечно, поспѣшили ихъ развести, но гр. Воронцовъ приказалъ имъ обоймъ-подать шляпы и попросилъ ихъ окончить свою ссору не въ его домѣ. Иные говорили, что ссора эта едва не кончилась дуэлью, другіе прибавляли такіе варианты, что я считаю лучше о нихъ умолчать. Но какъ бы то ни было, а баронъ Левенштернъ съ тѣхъ поръ не появлялся уже болѣе въ директорской ложѣ.

Сообщу моимъ читателямъ объ А. М. Гедеоновѣ еще нѣсколько анекдотовъ и фактовъ, которыхъ случилось мнѣ быть свидѣтелемъ, или слышать о нихъ отъ людей вполне достовѣрныхъ.

Однажды былъ поставленъ какой-то новый балетъ, на который была затрачена довольно большая сумма, но онъ не имѣлъ успѣха. Въ день третьяго или четвертаго представленія этого балета, поутру, по заведенному порядку, подають Александру Михайловичу такъ называемую «рапортчку» о сборахъ съ обонхъ театровъ. Увидя, что на Александринскомъ театрѣ, гдѣ шла въ тотъ день какая-то старая трагедія или драма—почти полный сборъ, а на Большомъ, гдѣ шелъ новый балетъ, не разобрано билетовъ и третьей доли, онъ швырнулъ рапортчку и яростно вскрикнулъ: «ну, чего эта глупая публика не видала на Алексан-

дринакомъ театрѣ? Ломится на старую піесу, а новаго балета смотреть не хочетъ».

Еще у него была неблаговидная странность: онъ терпѣть не могъ, когда его о чемъ нибудь просить: тутъ, первымъ его движеніемъ было непремѣнно отказать, какъ бы ничтожна ни была эта просьба, хотя послѣ онъ иногда и соглашался исполнить эту просьбу. Напримѣръ, мой братъ и его жена Александра Михайловна имѣли въ своихъ контрактахъ условіе: каждые два года пользоваться, если пожелаютъ, отпускомъ въ Москву, гдѣ могли дать нѣсколько представленій и получить тамъ бенефисы. Въ одно прекрасное утро явилась Александра Михайловна къ Гедеонову заявить, что въ этотъ годъ она съ мужемъ желаетъ отправиться въ Москву. — «А имѣю я право вамъ отказать?» — спрашиваетъ онъ. — Нѣтъ, по смыслу контракта не имѣете никакого права. — «Да?.. ну, въ такомъ случаѣ поѣзжайте».

Въ 1842 году приходилось мнѣ заключить новый контрактъ, послѣдній передъ окончаніемъ 20-ти лѣтней моей службы. Года за три до того, я получалъ уже поспектавльную плату по 3 р. серебр. До истеченія срока моего контракта за шесть мѣсяцевъ, по принятому правилу, я подалъ въ контору заявленіе, въ которомъ сказалъ, что, относительно прибавки къ получаемой мною поспектавльной платѣ, я предоставляю на благоусмотрѣніе начальства, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ писывали. Всѣ мои товарищи и однокашники давно меня обогнали по этой статьѣ, хотя я работалъ не менѣе ихъ; я тогда игралъ по 170 и 180 разъ въ годъ. Полагая, что добросовѣстная и усердная 19-ти лѣтняя моя служба даетъ мнѣ нѣкоторое право надѣяться, что меня сравняютъ съ моими сверстниками, что директоръ обратитъ вниманіе и на то обстоятельство, что я въ свои бенефисы ежегодно ставилъ по двѣ и по три свои піесы, за которыя отъ дирекціи ничего не получалъ. Одна «Ложа 1-го яруса», игранная въ продолженіе трехъ лѣтъ около 100 разъ, принесла дирекціи порядочную прибыль....

Проходили мѣсяцы, а о результатѣ моего заявленія не было никакого отвѣта; наконецъ, недѣли за двѣ до возобновленія моего контракта, я получилъ изъ конторы бумагу, гдѣ сказано, что его превосходительство назначаетъ къ получаемымъ уже мною 3-мъ рублямъ поспектавльной платы, еще два рубля. Хотя я и чувствовалъ, что заслуживалъ болѣе двухъ-рублевой прибавки,

однакожь готовъ былъ согласиться на предложенное мнѣ условіе, но жена моя и мой зять Евгений Макаровичъ Семеновъ, который служилъ тогда секретаремъ директора, уговаривали меня, прежде чѣмъ подписать контрактъ, лично попросить Гедеонова объ увеличеніи разовыхъ... Крѣпко мнѣ этого не хотѣлось, но наконецъ рѣшился, въ той надеждѣ, что до того времени я никогда ни о чемъ его не просилъ. Передъ тѣмъ днемъ, когда я намѣренъ былъ явиться къ директору, Семеновъ посовѣтовалъ мнѣ придти поранѣе, пока никто еще не успѣлъ его разсердить. Случалось еще и такое обстоятельство; если его превосходительство наканунѣ проигрывалъ въ карты (что бывало съ нимъ зачастую, благодаря его упрямству и настойчивости), то тутъ, говорить, къ нему приступу не было. Вотъ, на другой день, ровно въ 9 часовъ утра, я уже былъ въ канцеляріи директора; Семеновъ сидѣлъ за своимъ столомъ и являлся уже къ директору съ докладомъ. Я освѣдомился у него—въ какомъ расположеніи его превосходительство? и онъ отвѣчалъ мнѣ: «ступай смѣло; сегодня онъ, кажется, всталъ съ постели правою ногою»; и точно, въ это время послышалось изъ его кабинета насвистываніе какого-то балетнаго мотива, что, по замѣчанію близкихъ къ директору людей, означало доброе расположеніе его духа... Я также собрался съ духомъ, и съ приличною покорностью вошелъ въ его кабинетъ. Его превосходительство пилъ чай и небрежно разсматривалъ какія-то бумаги. Увидя меня, онъ съ благосклонною улыбкой обратился ко мнѣ. «Здравствуй, Петръ Андреевичъ, чтѣ скажешь?»

Его благосклонность меня нѣсколько приободрила и я отвѣчалъ ему: «Ваше пр—во, я пришелъ къ вамъ съ покорною просьбой»...

Слово просьба въ одну секунду измѣнило его фізіономію... онъ прихлебнулъ чай, потеръ свои бакенбарды и, не глядя на меня, спросилъ:

— О чемъ ты хочешь просить?

— На счетъ моего контракта.

— Ну, да, такъ что же? развѣ тебѣ не прислали изъ конторы моего предписанія?

— Прислали, в. пр—во.

— Теперь ты будешь получать перспективной платы, вмѣсто трехъ—пяти рублей. Я надѣюсь, что ты доволенъ?

— В. пр-во, мои сверстники по службѣ давно уже получаютъ по 8 и даже по 10 р., а я работаю не менѣ ихъ...

— Ну! такъ! вы ничѣмъ недовольны, вамъ что ни назначь, все мало, — вскрикнулъ онъ запальчиво.

Отъ этой любезности, меня что-то болѣло въ сердце и легкая дрожь пробѣжала по спинѣ; я, какъ ошеломленный, не могъ вдругъ собраться съ силами и, помолчавъ немного, спросилъ его: «за что же вы изволите сердиться, в. пр—во?»

— А вотъ за то, что ты недоволенъ тѣмъ, что я тебѣ назначилъ, и смѣешь требовать еще прибавки!

— Я не требую, а прошу васъ, в. пр—во.

— А я тебѣ не дамъ и не только не дамъ, но не дамъ и того, что сперва назначилъ; оставайся на прежнихъ трехъ рубляхъ.

Я, не глядя въ зеркало, чувствовалъ, что начиналъ блѣднѣть... Прошла минута тяжелого молчанія.

— Чѣмъ же я заслужилъ, на 19-мъ году усердной службы, такую немилость? — спросилъ я его наконецъ.

— А вотъ тѣмъ, что ты недоволенъ.

— Если это васъ такъ раздражаетъ, то я отступаюсь отъ моей просьбы, и безропотно приму то, что вы уже мнѣ назначили.

— А я тебѣ говорю, что не дамъ: оставайся на прежнемъ положеніи, а если ты недоволенъ, то можешь подать въ отставку.

— В. пр—во, въ будущемъ году я получу царскую пенсію за 20-ти лѣтнюю мою службу; я семьянинъ, у меня четверо дѣтей, такъ еслибы вы и вовсе отняли у меня перспективную плату, я и тогда бы не подалъ въ отставку.

— Ну, это твое дѣло, какъ знаешь, а я всетаки не дамъ тебѣ пяти рублей... прощай.

Когда я рассказалъ Семенову о рѣшеніи директора, онъ очень удивился и старался успокоить меня тѣмъ, что эта превосходительная вспышка зачастую не имѣетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій и что дѣло, конечно, уладится въ мою пользу. Но тутъ дѣло не въ трехъ или пяти рубляхъ, а въ незаслуженной обидѣ! Товарищи мои, которые узнали обо всемъ этомъ, также говорили мнѣ, чтобы я не огорчался; что и съ ними, при заключеніи новыхъ контрактовъ, бывали такія исторіи; что, съ перваго раза, этотъ своенравный баринъ раскричится и откажетъ, а потомъ смиляется и даетъ то, что у него спросить; что не можетъ быть, чтобы онъ рѣшился отнять

у меня прибавку, уже однажды имъ назначенную; другіе совѣтовали мнѣ сходить къ нему вторично и снова попросить его... Но я былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы выкаланивать себя вполовнѣ мною заслуженное. Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, потребовали меня въ контору, для подписанія контракта. Я пришелъ туда, читаю контрактъ и вижу, что его превосходительство дѣйствительно взмилостивился—контрактъ заключенъ былъ на 3 года: въ 1-й годъ я оставленъ на прежнихъ 3 р., на 2-й прибавленъ одинъ рубль, на 3-й—еще одинъ. Я подписалъ контрактъ. Но его превосходительство не ограничился одною этою милостью: до этого времени, три года къ ряду, мнѣ назначался бенефисъ въ началѣ апрѣля, первый по открытіи спектаклей послѣ Пасхи, въ пору довольно выгодную; но на этотъ разъ мнѣ былъ назначенъ бенефисъ 19-го мая, когда половина петербургскихъ жителей перебирается на дачи; вслѣдствіе этого, въ день моего бенефиса, театръ былъ пустъ на половину и на мою долю пришлось едва 600 р. И такъ, въ эти два года, по милости его превосходительства, я не досчитался въ моемъ домашнемъ бюджетѣ, по меньшей мѣрѣ, тысячь около двухъ, но за то его превосходительство своимъ поступкомъ со мною доказалъ, что онъ твердъ въ своемъ словѣ и можетъ иногда, какъ говорится, выдержать характеръ...

IV.

Когда управленіе московскими театрами, послѣ М. Н. Заго-скина, присоединилось къ петербургской дирекціи, одинъ изъ нашихъ актеровъ желалъ перейти на московскую сцену, но, зная слабую струну Гедеонова—постоянно почти отказывать въ просьбахъ его подчиненныхъ, придумалъ хитрую штуку. Съ грустною фізіономіей онъ явился къ нему въ кабинетъ... «Что тебѣ нужно?»—спросилъ директоръ.

— В. пр—во, я слышалъ, что вы нѣкоторыхъ актеровъ желаете перевести въ Москву...

— Да, ну, такъ что же?

— Мнѣ говорили, что и я въ томъ числѣ.

— Я не помню, можетъ быть... а что же, развѣ ты не хочешь?

— Я бы попросилъ у васъ дозволенія здѣсь остаться...

— А вотъ, за то, что ты пришелъ просить, ты и поѣдешь туда.

— Помилуйте, в. пр—во, у меня здѣсь родные, а въ Москвѣ нѣтъ никого даже знакомыхъ.

— А мнѣ какое дѣло! если я назначилъ, тутъ разговаривать нечего.

— Какъ прикажете, в. пр—во, конечно, я не смѣю ослушаться...

— Ты поѣдешь въ Москву, я такъ хочу! а теперь мнѣ некогда; убирайся...

Начальникъ былъ доволенъ, что поставилъ на своемъ, а подчиненный готовъ былъ прыгать отъ радости, что ему удалось поддѣть на этотъ фортель его превосходительство.

Театральное училище, этотъ разсадникъ талантовъ, этотъ роскошный цвѣтникъ, около котораго порхало въ то время столько блестящихъ мотыльковъ, былъ подъ особымъ покровительствомъ Александра Михайловича. Онъ, какъ добрый, чадолюбивый отецъ, внимательно наблюдалъ, чтобы какою нибудь смазливый гусарикъ не объѣхалъ на кривой легкомысленную невинность; тутъ онъ представлялъ себѣ за священную обязанность — предостеречь влюбленную неопытность.

— «Ну, что ты на него смотришь?—говорилъ онъ иной воспитанницѣ,—вѣдь у него ничего нѣтъ, кромѣ долговъ и золотого мундира; онъ тебя черезъ полгода бросить... Плюнь на него. Вы все смотрите на наружность, а не думаете о будущемъ, о положеніи, которое упрочило бы ваше счастье»...

Онъ тоже не долюбливалъ, когда дѣвушка-танцовка, вскорѣ по выпускѣ изъ училища, подавала ему просьбу о дозволеніи ей выйти замужъ. Онъ тутъ обыкновенно давалъ ей такія натаціи: «у васъ, легкомысленныхъ дѣвушекъ нѣтъ никакого расчета: ты вотъ хочешь выйти за актера... ну, что у него за жалованье? какія средства? у тебя самой нѣтъ никакого приданого; ну, чѣмъ вы будете жить? Съ перваго году пойдутъ дѣти, по цѣлымъ мѣсяцамъ не будешь учиться танцовать—вотъ и останешься вѣчною фигуранткой. Мнѣ тебя жаль, ты дѣвушка хорошенькая и могла бы составить себѣ fortuna!»

Таковъ онъ былъ въ отеческой своей заботливости.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу, привезъ онъ изъ Берлина пѣвицу, нѣкую Mlle Вейраухъ. Эта примадонна ни слова почти не знала по русски. Выбрала она для перваго дебюта «Се-

мирамиду» Россини. Ей написали русскій текстъ нѣмецкими буквами; легко себѣ представить что за какофонія вышла изъ этого! Ни она, ни публика не понимали произносимыхъ ею стиховъ; голосъ у нея былъ доволенъ сильный, но она фальшила на каждой нотѣ. Разумѣется, ее ошкарли съ перваго разу. Гедеоновъ видитъ, что дѣло дрянн: примадонна его никуда не годится; онъ велѣлъ ее зачислить въ хористки, но Мlle Вейраухъ обидѣлась и не согласилась на такое униженіе; она говоритъ режиссеру, что заключила контрактъ съ дирекціей на первыя роли и требовала втораго дебюта. Режиссеръ докладываетъ объ этомъ директору. Онъ, по добротѣ своей, махнулъ рукой и сказалъ режиссеру: «Ну, чортъ съ ней! оставьте ее»... и она была оставлена на службѣ, числясь въ спискахъ «первою» пѣвицей, и, прослуживъ 10 лѣтъ, неразвѣвая рта, получила, какъ иностранка, половинную пенсію, которою пользуется и до сего дня, если еще здравствуетъ.

Еслибъ эта Мlle Вейраухъ была красива собою, то можно бы заподозрѣть Александра Михайловича въ обыкновенномъ грѣшкѣ, но она сама была дурна, какъ смертный грѣхъ, и этотъ неудачный ангажементъ былъ сдѣланъ просто по добротѣ души, или, можетъ быть, въ угожденіе кому нибудь изъ высокыхъ особъ, хлопотавшихъ объ этой бѣдной нѣмкѣ.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о покойномъ Александрѣ Михайловичѣ, разскажу объ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь ему управляющимъ театральною конторой Александромъ Дмитріевичемъ Кирѣевымъ. Этотъ обѣдъ былъ устроенъ въ домѣ, принадлежащемъ къ театру, на Каменномъ островѣ, гдѣ во время лѣтнихъ вакацій, помѣщаются теперь воспитанницы Театральнаго училища. Къ обѣду были приглашены близкіе знакомые директора и немногіе изъ артистовъ, въ числѣ которыхъ и я находился.

Разумѣется, на этомъ чиновничьемъ обѣдѣ было все чинно и прилично, говорилось много спичей и привѣтствій, но вообще этотъ обѣдъ не оставилъ въ моей памяти ничего особеннаго, что бы могло быть интересно для моихъ читателей. Сохранились у меня только — и то не въ головѣ, а гдѣ-то въ моихъ бумагахъ, стихи, прочитанные въ концѣ обѣда Владиміромъ Ивановичемъ Панаевымъ, который въ молодости писалъ нѣжныя идилліи. Здѣсь выпиcываю буквально эту бюрократическую идиллію:

А. М. Гедеонову.

Экспромтъ ¹⁾, сказанный В. И. Панаевымъ на обѣдѣ 28-го мая 1851 г., даномъ въ изъявленіе благодарности за 18-ти лѣтнее управленіе дирекціей С.-Петербургскихъ театровъ.

Ты возвысилъ нашу сцену,
Новый блескъ театрамъ далъ,
Талию и Мельпомену,
Терпсихору приласкалъ... (sic).

Привязалъ къ себѣ артистовъ,
Имъ отцомъ, покровомъ былъ:
Отъ Тальони до статистовъ
Всѣхъ къ себѣ приворожилъ!

И не годъ, не пять, не десять:
Такъ прошли осмнадцать лѣтъ...
Пусть поймутъ, разсудятъ, взвѣсятъ —
Шутка это или нѣтъ?

Какъ же намъ за здравье чашу
Въ честь тебя не осушить?
И всѣхъ благъ желанье наше
Отъ души не повторить!?

Не припомню теперь, въ которомъ году Александръ Михайловичъ охладѣлъ къ «обласканной» имъ Терпсихорѣ: прежде или послѣ отъѣзда Елены въ Парижъ, но знаю только, что, оставивъ русскую Терпсихору, онъ почувствовалъ слабость къ французской Талии; тогда на Михайловскомъ театрѣ фигурировала одна прелестная и талантливая актриса, имя которой такъ и просится на каламбуръ: ее звали Milla (Deschamps). Хотя это новое, подъ старость, увлеченіе было, кажется, просто платоническое, но и тутъ, въ угоду миловидной актрисы, административная его справедливость начала прихрамывать, какъ говорить закулисная хроника. Впрочемъ, это продолжалось года четыре, не болѣе. Mlle Milla, по окончаніи своего ангажемента, возвратилась въ Парижъ.

А. М. Гедеоновъ управлялъ императорскими театрами — сперва одними петербургскими, а потомъ и московскими — ровно 25 лѣтъ, съ 1833-го по 1858-й годъ. Выйдя въ отставку, онъ нѣсколько лѣтъ проживалъ еще въ Петербургѣ, но потомъ переселился въ Парижъ, гдѣ платоническая его любовь къ Mlle Milla обратилась

¹⁾ Этотъ экспромтъ былъ отпечатанъ заблаговременно и тутъ же, послѣ обѣда, розданъ на память всѣмъ гостямъ.

въ искреннюю дружбу, которую онъ сохранилъ въ ней до послѣднихъ дней своихъ. Онъ скончался въ Парижѣ въ концѣ шестидесятихъ годовъ и погребенъ на извѣстномъ кладбищѣ «Père Lachaise».

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, былъ дѣйствительно человѣкъ доброй души; существеннаго зла онъ, конечно, никому изъ артистовъ не сдѣлалъ; но могъ бы сдѣлать много добраго русскому театру, что онъ и доказалъ при началѣ своего директорства, еслибъ не увлекался своимъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и умѣлъ укрощать свой строптивый и упрямый характеръ; самое его мягкосердечіе было иногда не встать и заставляло его оказывать снисхожденіе людямъ, которые этого незаслуживали. Его легко было разжалобить слезами и многіе во зло употребляли доброту своего начальника. Какъ бы то ни было, но большая часть артистовъ, служившихъ при немъ, и особенно театральныхъ чиновниковъ, до сихъ поръ съ благодарностью о немъ вспоминаютъ...

V.

Теперь я считаю пріятнымъ долгомъ вспомнить добрымъ словомъ объ одномъ изъ членовъ театральной администраціи, подъ начальствомъ котораго мнѣ довелось провести большую часть моей службы. Онъ слылъ, въ нашемъ закулисномъ мірѣ, человѣкомъ холоднымъ, черствымъ, иные называли его эгоистомъ; послѣднее едва-ли справедливо... Я хочу сказать о покойномъ Рафаилѣ Михайловичѣ Зотовѣ, занимавшемъ должность члена репертуарной части болѣе 30-ти лѣтъ, при нѣсколькихъ директорахъ. Можетъ быть, иные мои товарищи имѣли свои причины быть имъ недовольны; но что касается меня и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ артистовъ того времени, то мы находили въ немъ всегда доброжелателя и заступника передъ высшимъ начальствомъ. Когда онъ, отъ имени кн. Гагарина (какъ я уже прежде говорилъ), предложилъ мнѣ занять должность режиссера, я вполне понялъ, что это лестное для молодаго человѣка предложеніе, было сдѣлано по его выбору и указанію, потому что кн. Гагарина нисколько не занимало, что происходило въ нашей драматической труппѣ.

Въ 1830 году 16-го іюня, былъ назначенъ мнѣ вмѣстѣ съ Григорьевымъ бенефисъ. Мы обратились съ просьбой къ Зотову помочь намъ, и онъ, въ самое короткое время, передѣлалъ для насъ нѣмецкую трехъ-актную драму «Ленора» (заимствованную изъ баллады Бюргера), переименовавъ ее въ «Людмилу» и включивъ въ нее стихи извѣстной баллады Жуковскаго; но такъ какъ безъ позволенія автора нельзя было этого сдѣлать, то онъ приказалъ намъ лично испросить у Жуковскаго его согласія.

Василій Андреевичъ Жуковскій жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ и мы съ Григорьевымъ, раннимъ утромъ, отправились туда. Онъ принялъ насъ очень ласково, мы передали ему нашу просьбу. Конечно, этотъ добрейшій и благороднѣйшій человѣкъ намъ не отказалъ и тутъ же вручилъ намъ письменное свое согласіе.

Бенефисъ нашъ, не смотря на лѣтнее время, удался вполне (въ этомъ же спектаклѣ было играно въ первый разъ 4-е дѣйствіе изъ ком. «Горе отъ ума») ¹⁾. «Людмила» долгое время не сходила съ репертуара и была потомъ возобновлена нѣсколько разъ.

Когда мы съ Григорьевымъ, на другой день, явились къ Зотову—благодарить его, то онъ не взялъ съ насъ никакого вознагражденія за свой трудъ. Въ 1833 году, онъ, по просьбѣ моей, перевелъ съ французскаго для моего бенефиса драму, въ стихахъ, подъ названіемъ «Парія»; въ 1840 году онъ самъ предложилъ мнѣ переведенную имъ съ нѣмецкаго драму «Шекспиръ на родинѣ» соч. Гольтея. Эти двѣ послѣднія пьесы были мнѣ отданы имъ также безвозмездно.

Въ нынѣшнее время для сочинителей и переводчиковъ не только безразлично: пойдутъ ли ихъ пьесы въ пользу дирекціи или въ бенефисъ—потому что они, во всякомъ случаѣ, получаютъ свой гонорарій,—даже имъ выгодно, когда ихъ пьесы ставятся въ пользу артистовъ, по той причинѣ, что, при еженедѣльныхъ бенефисахъ, дирекція не имѣетъ времени ставить пьесы въ казну; а въ ту пору авторы, отдававшіе свои произведенія въ бенефисы, не получали отъ дирекціи никакого за нихъ воз-

¹⁾ Въ тотъ—1830-й годъ, 5-го февраля, было играно въ первый разъ 4-е дѣйствіе изъ «Горе отъ ума» въ бенефисъ А. М. Каратыгной. Не съ этого-ли года слѣдуетъ считать пятидесятилѣтіе появленія на публичной сценѣ этой комедіи?

награждения. Нынче сочинитель или переводчик какойнибудь ничтожной бездѣлки не отдастъ ее на сцену даромъ и потому, вспомнивъ безкорыстіе авторовъ прошлаго времени, невольно скажешь:

«Вы, внѣшніе—вуга!»

Зотовъ былъ встарину одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ театральныхъ писателей; послѣ кн. Шаховскаго, едва-ли ктонибудь болѣе его сочинилъ, передѣлалъ и перевелъ трагедій, драмъ, комедій, водевилей и оперъ. Переводить оперы съ иностранныхъ языковъ — трудъ немаловажный; тутъ нельзя требовать отъ переводчика гладкихъ и звучныхъ стиховъ: онъ хлопочетъ только о томъ, лишь бы втиснуть ихъ въ музыкальный тактъ... Сволью мнѣ помнится, Зотовъ имѣлъ почти всегда срочную работу, писалъ, какъ говорится, на скорую руку, потому что разучиваніе оперы требуетъ гораздо болѣе времени, нежели другія піесы... Въ концѣ 1840-хъ годовъ, онъ въ чемъ-то не поладилъ съ Гедеоновымъ и долженъ былъ выйти въ 'отставку.

VI.

Изъ всѣхъ моихъ оригинальныхъ водевилей, болѣе и продолжительный успѣхъ (послѣ «Ложь 1-го яруса») имѣла «Булочная или Петербургскій нѣмецъ». Онъ былъ представленъ въ 1-й разъ въ мой бенефисъ въ 1843 г. 26-го октября. (Въ составѣ этого бенефиса были слѣдующія піесы: «Монументъ», историческій анекдотъ въ стихахъ, соч. Кукольника; мой вод. «Демокритъ и Гераклитъ» и «Генеральша», комедія съ куплетами, переводъ съ французскаго). Сборъ былъ совершенно полный. Повтореніе этого бенефиса было назначено на третій день, 28-го числа; но тутъ произошло нѣкоторое странное обстоятельство: на другой день бенефиса, неожиданно—негаданно, послѣдовало запрещеніе повторить «Булочную» и афиши объ этомъ спектаклѣ на 28-е число появились безъ «Булочной». Я никакъ не могъ понять, за что разразилась эта гроза надъ моимъ Ивановъ Ивановичемъ Клейстеромъ. Кого этотъ бѣдный нѣмецъ могъ обидѣть? Но такъ какъ главный интересъ въ возвыщенномъ наканунѣ спектаклѣ заключался именно въ этой піесѣ, то дирекція

поручила режиссеру справиться въ ценсурѣ о причинѣ этого запрещенія; что же по справкамъ оказалось? Въ этомъ водевилѣ Клейстеръ поетъ куплетъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Самъ частный приставъ забираетъ
Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей»...

Частный приставъ Васильевской части (гдѣ происходитъ мѣсто дѣйствія) вломился въ амбицію, принявъ слово: «забирать» — брать даромъ, безъ денегъ; онъ счелъ это личною и обратился съ жалобой къ тогдашнему оберъ-полиціймейстеру Коккошкину; тотъ доложилъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому и, въ концѣ концовъ, послѣдовало приказаніе остановить представленіе этого водевиля. Вотъ откуда сыръ боръ загорѣлся! Я, въ день повторенія бенефиса — отправился къ цензору и какъ ни объяснялъ ему, что «забирать» вовсе не оскорбительное слово для полиціи; что, вѣроятно, многіе изъ петербургскихъ обывателей ежедневно «забираютъ» на книжку и въ булочной, и въ другихъ лавкахъ съ съѣстными припасами; онъ вполнѣ согласился со мной, но не могъ дѣйствовать по своей волѣ и посоветовалъ мнѣ лучше вовсе исключить этотъ (по мнѣнію частнаго пристава) двусмысленный куплетъ. Я, конечно, не сталъ съ нимъ спорить изъ-за такихъ пустяковъ, но дѣло, всетаки, ничѣмъ не рѣшилось... Вечеромъ того дня, передъ началомъ спектакля, вдругъ неожиданно прислано разрѣшеніе — играть «Булочную», только безъ «забористаго» куплета; а такъ какъ въ этотъ день она не стояла на афишѣ, а замѣнена была другимъ старымъ водевилемъ, то надо было анонсировать объ этой переимѣнѣ. Когда же Максимовъ, послѣ первой миссы, вышелъ за переднюю занавѣсъ и объявилъ, что, вмѣсто означеннаго на афишѣ водевиля, будетъ представлена: «Булочная» — раздались громкіе аплодисменты и многіе закричали «браво!» Это имѣло характеръ нѣкоторой демонстраціи, потому что полицейская опала не могла тогда не разгласиться. Въ этотъ вечеръ «Булочная» имѣла еще большій успѣхъ, нежели въ первое представленіе.

На другой день я узналъ, что «Булочная», которую я напечаталъ на свой счетъ и роздалъ на комиссію въ книжныя лавки, была, по приказанію оберъ-полиціймейстера, севесгрована

у всѣхъ книгопродавцевъ; ее «забирали» отовсюду и связанную препровождали въ полицію.

Полицейское битье по карману мнѣ, разумѣется, было непріятно и убыточно, но, на мое счастье, 31-го числа того-же мѣсяца, покойному государю угодно было приказать, чтобы этотъ водевиль былъ представленъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ тогда еще находился высочайшій дворъ.

Въ тотъ вечеръ шла прежде французская комедія, а за нею слѣдовала моя «Булочная». Въ антрактъ пришелъ за кулисы министръ двора кн. Петръ Михайловичъ Волконскій; онъ началъ со мной о чемъ-то разговаривать и я, пользуясь этимъ случаемъ, сказалъ ему: «ваша свѣтлость, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею моею просьбой».

— Что такое?

— Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ имѣть счастье представлять нашу піесу передъ его величествомъ, но эта піеса, мною напечатанная и одобренная ценсурой, въ настоящее время находится въ полиціи подъ запрещеніемъ. Одно другому противорѣчить: еслибъ въ ней было что нибудь непозволительное, она-бы не удостоилась высокой чести быть игранною передъ лицомъ государя императора; если-жъ—наоборотъ, то ей не слѣдуетъ подвергаться полицейскому запрещенію.

Князь улыбнулся и сказалъ мнѣ: «это совершенно справедливо, но погоди; вотъ какъ вы сыграете піесу, я доложу объ этомъ государю». Піеса имѣла полный успѣхъ и его величеству такъ она понравилась, что ему угодно было оказать намъ особенную милость: мы всѣ призваны были въ одну изъ ближайшихъ комнатъ въ театру и каждый изъ насъ удостоился личной отъ государя похвалы и одобренія. За этотъ спектакль мы съ Мартыновымъ награждены подарками и, кромѣ того, я получилъ отъ Государя Наслѣдника—нынѣ благополучно царствующаго Императора—бриллиантовый перстень.

Черезъ два дня послѣ того, прислали мнѣ изъ театральной конторы бумагу, слѣдующаго содержанія:

«Его свѣтлость г. министръ императорскаго двора, предпосаніемъ 2-го числа сего ноября, увѣдомилъ его превосходительство г. директора, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ вашъ водевиль «Булочная» оставить какъ было напи-

сано, не выключая ничего, и притомъ не задерживать продажу печатныхъ книжекъ онаго».

Разумѣется, отобранный водевиль былъ тотчасъ возвращенъ книгопродавцамъ, но такъ какъ его разнесли по «Частямъ», то они не досчитались нѣсколькихъ экземпляровъ, которые, вѣроятно, полицейскими забирателями были оставлены себѣ на память этой курьезной исторіи. Въ послѣдствіи оказалось, что не одинъ частный приставъ обидѣлся моимъ водевилемъ, нашлись и другіе. Въ одно изъ представленій его на Александрийскомъ театрѣ, послѣ куплета:

«Ну, Карлуша, не робѣй!»

въ. покойнаго Мартынова кто-то изъ райка бросилъ пятакомъ; по счастью, онъ промахнулся и пятакъ покотился по полу. Эта дурацкая шутка, вѣроятно, была выеинута какимъ нибудь оскорбленнымъ Карлушей.

Потомъ вотъ что мнѣ рассказывалъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, по возвращеніи своемъ изъ Оренбурга, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ былъ генераль-губернаторомъ: У нихъ въ городѣ была единственная нѣмецкая булочная; по странному стеченію обстоятельствъ, хозяина этой булочной звали тоже Иванъ Ивановичъ; у него, на бѣду, была молодая дочка; называлась ли она Марьей Ивановной или иначе, Катенинъ этого не зналъ—только вотъ какія вышли послѣдствія. Нѣмецъ пошелъ въ театръ посмотрѣть «Булочную» и до того вѣзбѣсился, вполне увѣренный, что пьеса написана именно на его счетъ, что на третій день закрылъ свою булочную и уѣхалъ изъ города...

— И мы, по твоей милости,—прибавилъ Катенинъ,—оставались цѣлую недѣлю безъ сухарей, пока, наконецъ, не образумили раздраженнаго Ивана Ивановича и не уговорили его воротиться.

Теперь, съ 1843 года, я перешагну впередъ на цѣлое десятилѣтіе, во-первыхъ, потому, что, не придерживаясь хронологической послѣдовательности, о многомъ уже было мною прежде написано, а во-вторыхъ, перелистывая мой журналъ, веденный мною съ перваго года службы, я не нашелъ въ немъ никакихъ особенныхъ фактовъ, которые считалъ бы любопытными для моихъ чита-

телей. Въ это десятилѣтіе было написано мною около двадцати пьесъ—оригинальныхъ и передѣланныхъ съ французскаго; инныя изъ нихъ имѣли успѣхъ и долго держались на репертуарѣ, какъ-то: «Вицъ-мундиръ», «Школьный учитель», «Петербургскія дачи»; другія не могли этимъ похвалиться и сданы въ театральныя архивы. Въ этотъ же промежутокъ времени были играны двѣ мои бездѣлки: оперетка «Отелло на Пескахъ» и шутка-водевиль «Натуральная шеола», за которыя мнѣ порядочно досталось отъ тогдашнихъ критиковъ; первую они сочли чуть не за воцунство—какъ будто пародіи пишутся на ничтожныя произведенія ¹⁾); а вторую назвали дерзкимъ пасквилемъ на реальное направленіе нашей литературы, чего у меня и въ головѣ не было. Я смѣялся не надъ реальнымъ направленіемъ, а надъ тѣми отчаянными циниками, которые въ своихъ грязныхъ произведеніяхъ доходили тогда до отвратительнаго безобразія. Лермонтовъ былъ, конечно, не чопорный классикъ, но и тотъ сказалъ:

«Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ».

Впрочемъ, можетъ быть, меня бы тогда и менѣе бранили, еслибъ покойный Булгаринъ не оказалъ мнѣ медвѣжьей услуги: ему такъ понравился мой куплетъ о натуральной школѣ, что онъ чуть-ли не въ каждомъ своемъ фельетонѣ цитировалъ его и кстати и некстати.

¹⁾ Французы и нѣмцы на этотъ счетъ свисходительнѣе нашихъ строгихъ аристарховъ—и шутку принимаютъ за шутку, а не за оскорбленіе великихъ писателей; у нихъ также были пародіи на «Отелло», на «Ифигенію»; есть «Фаустъ на изнанку», «Орфей въ аду», «Прекрасная Елена» и многія др. У насъ встарину писали пародіи на «Дмитрія Донскаго», на баллады Жуковскаго; Котляревскій написалъ «Энеиду на изнанку» и т. д.

VII.

Съ грустью я вспоминаю 1853-й годъ! Тяжелыя и вознаградимыя утраты понесла наша драматическая сцена, при самомъ его на чалѣ; съ его тяжелой руки, началъ постепенно рѣдѣть тотъ блестящій талантливый кружокъ артистовъ, которыми, по справедливости, могъ гордиться тогда петербургскій театръ.

Наканунѣ этого роковаго года, 31-го декабря, мы играли комедию «Русская свадьба», производившую въ тотъ сезонъ положительный фуроръ, конечно, не внутреннимъ своимъ достоинствомъ, но благодаря блестящей обстановкѣ и великолѣпнѣю спектакля, съ прекрасною музыкой, съ пѣніемъ, хорами, плясками, съ роскошными костюмами и декораціями. Въ этой комедіи участвовали всѣ лучшія силы, составлявшія тогда русскую драматическую труппу: мой покойный братъ, Брянскій, Мартыновъ, Сосницкіе (мужъ и жена), Вѣра и Надежда, Самойловы, Максимовъ, Марья Дмитріевна Дюръ, Гусева... тутъ же участвовала оперная пѣвица Дарья Михайловна Леонова, бывшая въ ту пору въ полной силѣ своего прекраснаго голоса... Какую слабую піесу не могъ бы поддержать такой талантливый персоналъ?!

Въ этотъ вечеръ піеса прошла какъ-то необыкновенно удачно... всѣ были въ какомъ-то веселомъ настроеніи. По окончаніи спектакля въ 11¹/₂ часовъ, въ нѣкоторымъ изъ старшихъ артистовъ было принесено въ уборную шампанское... Мы всѣ радужно поздравляли другъ друга съ наступающимъ новымъ годомъ, дружно пожимая товарищамъ руки; казалось, что въ эти веселыя минуты были искренно забыты всѣ закулисныя несогласія, размолвки или ссоры, если у кого нибудь таковыя случались въ прошломъ году... точно нѣкоторые изъ нихъ предчувствовали, что имъ уже не суждено встрѣтить предбудущаго года!..

Холостая молодежь отправилась встрѣтить новый годъ въ буфетъ, а семейные люди разъѣхались по домамъ. Я, вмѣстѣ съ братомъ, поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ тогда у Синяго моста, въ домѣ Ягунчинова, въ угловомъ бельэтажѣ. Насъ только и ждали, чтобы сѣсть за семейный ужинъ. Жена моя была тамъ съ ве-

чера и вмѣстѣ съ женой брата, дочерью и ея мужемъ Владиміромъ Егоровичемъ фонъ-деръ-Паленъ играли въ преферансъ. Съ нашимъ приѣздомъ карты были оставлены и всѣ приготовлялись перейти въ столовую. Пока подавали ужинъ, братъ присѣлъ подлѣ моей жены и, перебирая карты, шутя сказалъ ей:

— Ну-ка, Sophie, загадайте на меня... что мнѣ ваши карты предскажутъ на будущій годъ?

— А развѣ вы вѣрите картамъ?—спросила она.

— Разумѣется, нѣтъ, но посмотримъ, сбудется-ли то, что онѣ мнѣ наврутъ...

— Вы какой король?—спросила она.

— Это ужъ ваше дѣло.

— По цвѣту волосъ, вы—трефовый.

— Какъ знаете.

Она положила трефоваго короля, потомъ вынула изъ середины колоды другую карту и положила закрытою на него; кругомъ разложивъ остальные, начала объяснять, какъ умѣла... Наконецъ, вскрыла положенную на короля карту... оказался пиковый тузъ... Братъ смѣшалъ карты и сказалъ: «Э! глупости! Поидемте лучше ужинать».

Первый мѣсяцъ роковаго года прошелъ, однако, благополучно; наступилъ февраль. Передъ самою масляницей, Брянскій захворалъ холерой и черезъ нѣсколько часовъ его не стало.

Внезапная смерть такого крѣпкаго, сильнаго здоровяка не могла не поразить всѣхъ его товарищей. Въ этотъ день шла драма «Эсмеральда», гдѣ онъ долженъ былъ играть «Квазимодо»... Роль его занялъ Толченевъ и, хотя передъ началомъ спектакля было анонсировано, что за болѣзнію перваго будетъ играть второй, но до публики верхнихъ слоевъ это объявленіе вѣрно не достигло и, по окончаніи драмы, сверху раздались крики: «Брянскаго! Брянскаго!» На этотъ вызовъ вышелъ Толченевъ и раскланялся публикѣ вмѣсто своего товарища, отозваннаго уже въ лучшій міръ!

Въ понедѣльникъ на масляницѣ были похороны Брянскаго, на которыя, кромѣ его товарищей, собралось артисты и артистки и другихъ труппъ,—отдать послѣдній долгъ заслуженному и талантливому артисту. При окончаніи обычной литіи, мы съ братомъ вы-

шли въ крыльцу, чтобы избѣжать тѣсноты. Когда приближался къ намъ выносимый изъ дому гробъ, мы, какъ и всѣ воеругъ стоявшіе, сняли наши мѣховыя шапки. Погода тогда была морозная и тутъ братъ сказалъ мнѣ въ полголоса: «прикройся хоть воротникомъ, ты простудишь голову»... «Накройся и ты»,—отвѣчалъ я ему. «Ну, у меня волосъ побольше твоего» (у него были прекрасные густые волосы). Я послѣдовалъ его совѣту: надвинулъ на голову свой мѣховой воротникъ, а онъ не надѣлъ своей бобровой шапки, покуда гробъ не поставили на дроги. Мы нѣсколько улицъ шли за гробомъ пѣшкомъ, а потомъ, въ саняхъ, провожали его вплоть до Митрофаніевскаго владбища.

Нивогда суевѣріе не играетъ такой сильной роли, какъ во время погребальныхъ обрядовъ. Напримѣръ, шьютъ покойнику саванъ или покойницѣ платье, чепчикъ и проч.: слѣдуетъ шить на живую нитку, не закрѣпляя ее узломъ, иголку надо держать отъ себя, а не къ себѣ, какъ обыкновенно это дѣлается, всѣ обрѣзки и кусочки надо собрать и непременно положить въ гробъ, чтобы ни ниточки послѣ него не осталось. Гробовщикъ ошибся въ мѣрѣ, и если тотъ ларчикъ, «гдѣ ни стать, ни сѣсть», удлиненъ, надо ждать новаго покойника въ дому; внесли готовый гробъ въ комнату съ крышей, не оставивъ ея въ сѣняхъ,—дурная примѣта: готовится близкій кандидатъ. Если у покойника неплотно закрылись глаза, значить онъ выглядываетъ—кого бы еще прихватить за собою и для того владутъ на глаза два пятака, какъ будто этими пятаками можно отвратить предопредѣленіе судьбы.

Если эти несчастные суевѣры представляютъ вамъ 10 случаевъ, что ихъ примѣты оправдались, а вы—30, что при такихъ же зловѣщихъ примѣтахъ не было никакихъ дурныхъ послѣдствій, то это всетаки ни къ чему не послужитъ и они останутся непоколебимыми въ своихъ закоренѣлыхъ предразсудкахъ.

Такъ было и на похоронахъ Брянскаго: кто-то изъ провожавшихъ его замѣтилъ, что если случаются похороны въ понедѣльникъ, такъ въ той семьѣ скоро будетъ новый покойникъ.

Когда гробъ внесли въ церковь и началась обѣдня, многіе разбрелись по владбищу, одни—просто изъ любопытства, другіе—поклониться преждеотшедшимъ братьямъ, а нѣкоторые, проголодавшіеся отъ длинныхъ проводовъ, отправились въ находившійся

туть трактиръ завусить что нибудь. «Чтожь,—подумалъ я,—долгъ красенъ платежомъ: здѣсь червякъ ѣсть мертвыхъ, почему же живымъ червячка не заморить»... Я пошелъ посмотрѣть, гдѣ приготовлено мѣсто успокоенія новому пришельцу... Около вырытой могилы собралось нѣсколько моихъ товарищей; между ними стояла актриса Гусева... Сосницкій подошелъ къ ней сзади и, тряхнувъ ее за плечи, шутя сказалъ ей: «ну, что, старуха, смотришь, и тебѣ пора туда же!» Испуганная Гусева взвизгнула и закрычала ему:

— Не хочешь-ли самъ попробовать? ты старѣе меня.

«Шутка иногда бываетъ предсказаніемъ»,—сказалъ Шекспиръ...

Въ предыдущихъ главахъ моихъ Записокъ я описывалъ подробно дебюты моего покойнаго брата, его первоначальные успѣхи на избранномъ имъ поприщѣ; теперь приступаю къ грустному разсказу о послѣднихъ дняхъ его артистическаго и жизненнаго поприща.

Прослѣдить же всю тридцатитрехлѣтнюю сценическую его дѣятельность, оцѣнить его талантъ, указать на его достоинства и недостатки, словомъ—составить полную его біографію (которой, по прошествіи цѣлой уже четверти столѣтія, мы еще не имѣемъ) не можетъ быть предоставлено его родному брату; онъ, какъ ближайшій свидѣтель его предсмертныхъ дней, причины его болѣзни и нѣкоторыхъ другихъ подробностей, какъ самой смерти, такъ и похоронъ его, можетъ предложить только сырой, но правдивый матеріалъ для будущаго его біографа, если кто либо когда нибудь возьметъ на себя этотъ трудъ.

Въ понедѣльникъ, послѣ похоронъ Бранскаго, братъ мой, со своею семьей былъ въ италіанской оперѣ; въ театрѣ было довольно жарко и онъ, въ антрактѣ, вышелъ въ буфетъ выпить лимонаду; тутъ-ли въ корридорѣ онъ простудился, или поутру на похоронахъ, стоя нѣсколько минутъ съ открытою головою, трудно опредѣлить, только въ ту же ночь онъ почувствовалъ легкіе признаки простуды.

Во вторникъ поутру онъ игралъ и въ уборной жаловался на лихорадку и недостатокъ аппетита, но былъ довольно веселъ, не придавая большой важности своему ненормальному состоянію; въ среду онъ также игралъ и противъ вчерашняго чувство-

валъ себя хуже.. Я убѣждалъ его не запускать болѣзни и совѣтываться съ докторомъ, но онъ надѣялся поправиться домашними средствами. Въ четвергъ поутру, пріѣхавъ въ театръ, онъ жаловался мнѣ на головную боль и совершенную потерю аппетита... Я опять заговорилъ о докторѣ и совѣтывалъ ему отказаться участвовать въ остальныхъ спектакляхъ...

Но онъ, надѣясь на атлетичную свою комплекцію, думалъ пересилить свой недугъ.

Въ пятницу поутру шла та же «Русская свадьба», о которой я выше говорилъ. Въ этотъ спектакль Гусева пріѣхала въ театръ больная, но не хотѣла отказываться отъ службы, тѣмъ болѣе, что, по репертуару, ей приходилось играть уже въ послѣдній разъ на масляницѣ. Въ этой комедіи она представляла няню молодого князя, котораго игралъ Максимовъ. Въ первомъ дѣйствіи, окончивъ свою сцену съ Гусевой, онъ, прійдя за кулисы, сказалъ мнѣ: «Петръ Андреевичъ, что это съ Гусевой? я поцѣловалъ ее въ лобъ (такъ слѣдуетъ по піесѣ) и испугался—точно я прикоснулся ко льду или къ мертвой головѣ!» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, Гусева, кончивъ свою сцену, пришла за кулисы... запаталась и упала на руки кого-то изъ стоявшихъ тутъ... ее отнесли въ уборную, она едва дышала, не отрывая глазъ; послали за дежурнымъ докторомъ, онъ прибѣжалъ, и какія средства ни употреблялъ онъ, чтобы привести ее въ чувство, ничто не помогло... *Finita la comedia!* Она въ одно время сошла съ обѣихъ сценъ—и съ жизненной, и съ театральной.

Легко вообразить себѣ, какая страшная паника распространилась въ нашемъ закулисномъ мірѣ! Антрактъ продолжался болѣе получаса, надобно было послать за другой актрисой, которая бы окончила недоигранную роль. Пріѣхала актриса Рамазанова... Она ни за что не согласилась надѣть на себя костюмъ прямо съ покойницы; ей пріискали другой.....

Между тѣмъ, масляничная публика проголодалась, торопилась къ блинамъ и начинала свирѣпствовать, хлопать, шумѣть, стучать ногами, требуя поднятія завѣсы, за которую, вмѣсто комедіи, разыгралась такая плачевная драма. Наконецъ, вышелъ кто-то изъ актеровъ и возвѣстилъ (также, какъ недѣлю назадъ), что «по болѣзни (!) актрисы г-жи Гусевой роль ея займетъ

г-жа Рамазанова»... Публика успокоилась и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ и комедія кончилась въ полномъ удовольствіи почтенной публики. Между тѣмъ, въ продолженіе антракта весь закулисный людъ перебивалъ въ той уборной, гдѣ на кушеткѣ лежала новопреставленная раба Божія!... Я также зашелъ туда, взглянулъ на нее, и какое-то давящее душу, болѣзненное чувство овладѣло мною: бѣдная старушка — разрисованная, нарумяненная, въ цвѣтной глазетовой куцавейкѣ, скрестивъ руки, повоилась вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ, а кругомъ ея слышались толпы, всѣ допытывались: какая причина ея смерти? зачѣмъ она больная играла? и проч., и проч. Тутъ прибѣжалъ ея единственный сынъ, бросился къ ней съ воплемъ, и я поторопился уйти отъ этой раздирающей сцены. Я воротился въ нашу уборную... братъ мой сидѣлъ, облокотясь на столъ, и какъ-то тяжело дышалъ; онъ, конечно, уже зналъ объ этой катастрофѣ. Я, желая его развлечь, — сказалъ ему:

— Ну, братъ, мы нынче стали похожи на римскихъ гладіаторовъ: умираемъ на сценѣ, при рукоплесканіяхъ публики!

Братъ грустно улыбнулся. «Да развѣ она точно умерла? Можетъ быть, это только обморокъ?» — спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, къ несчастію, все кончено; она вся похолодѣла.

— Ты ее видѣлъ?

— Я сейчасъ оттуда.

Онъ поднялся. «Я пойду посмотрѣть», — и медленною походкой вышелъ изъ уборной. Бывшему тутъ Соеницкому я припомнилъ его шутку на кладбищѣ; онъ молча отеръ слезу и погѣлъ на свои антресоли, которыя были имъ для себя устроены въ нашей уборной. Братъ, минуты черезъ двѣ, воротился и опять сѣлъ на свой диванъ.

— Ну, что, видѣлъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, тамъ слишкомъ много народу...

Очевидно, что у него не хватило духу на это грустное любопытство.

Вечеромъ того же дня онъ игралъ «Деньщика» (соч. Кукольника). Я, пріѣхавъ въ театръ, конечно поторопился освѣдомиться о его здоровьѣ.

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ я его.

— «Какъ будто немного получше»,—отвѣчалъ онъ, стараясь пріободриться. Онъ или меня обманывалъ, или самъ обманывался на счетъ своего положенія; не можетъ быть, чтобы утреннее происшествіе не повліяло на его нервы и больное воображеніе...

— Я чувствую,—продолжалъ онъ,—что мнѣ нужно только вызвать транспирацію, тогда мнѣ будетъ гораздо лучше. Всѣ эти дни были у меня холодныя роли... но вотъ, теперь, «Деньщикъ» мнѣ поможетъ...

Въ этотъ вечеръ онъ старался играть энергичнѣе, чтобы возбудить внутреннюю дѣятельность и упадающія силы... И, точно, надо было удивляться его самообладанію и запасу тѣхъ могучихъ силъ, которыми природа такъ щедро его надѣлила... Могло ли прійти кому нибудь изъ зрителей на мысль въ этотъ вечеръ, судя по его' обычной энергіи, по его наружному виду, что этотъ человекъ внутренно страдаетъ, что онъ истощаетъ послѣднія силы въ борьбѣ съ смертельнымъ своимъ недугомъ.

Четвертый актъ въ этой драмѣ самый сильный; братъ игралъ его съ полнымъ одушевленіемъ и произвелъ обычный восторгъ въ зрителяхъ; его нѣсколько разъ вызвали. Когда онъ, утомленный чрезмѣрнымъ напряженіемъ чувствъ и голоса, пришелъ въ уборную, я подошелъ къ нему и спросилъ: «Ну, что, какъ теперь?»

Онъ, съ какимъ-то озлобленіемъ, ударилъ по столу и прошепталъ: «Нѣтъ! не помогло!»... потомъ потеръ рукой свой сухой лобъ, съ грустью покачалъ головой и прибавилъ: «ни одной капли поту! только жаръ усилился».

— Завтра вечеромъ назначена «Смерть Ляпунова»; неужели ты будешь играть?—спросилъ я его.

— Не знаю, что Богъ дастъ! скорѣе бы только кончить сегодня...

Въ пятомъ актѣ роль его не заключала въ себѣ никакихъ сильныхъ мѣстъ и прошла спойно.

Замѣчательно, что, по сюжету, въ концѣ піесы «Деньщикъ», отправляясь въ походъ, становится на колѣни передъ своею возлюбленною «Доротеей», тогда уже невѣстой другаго, и просить ее благословить его, быть можетъ, на вѣчную разлуку. Доротей, надѣвая на него свой крестъ, говоритъ ему:

«Крестъ матери, единственный клейнодъ,
Моя единая, святая драгоценность,
Напутствуй незабвеннаго Трофима!»

Этою прощальною сценой оканчивается пьеса, этою пьесой закончилось честное служеніе артиста, преданнаго всею душою своему искусству!

Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой, игравшей Доротею, суждено было сказать ему послѣднее прощальное слово.

Въ тотъ же годъ и она, въ полномъ развитіи своего прекраснаго таланта, добровольно оставила сцену, которой бы еще долго и долго могла быть украшеніемъ!

На другой день, въ субботу, 28-го февраля, на вечерней спектакль была объявлена на афишѣ драма «Смерть Ляпунова». Въ этотъ день братъ мой былъ имянинникъ; рано утромъ я пошелъ къ нему поздравить его и узнать какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сидѣлъ въ халатѣ на креслѣ, окруженный женою, дочерью и зятемъ, которые уговаривали его послать въ театръ записку, что онъ играть не можетъ, и пригласить поскорѣе доктора.

Братъ поздоровался со мной и спросилъ меня:

— Какъ ты думаешь: играть ли мнѣ?

— Тутъ и раздумывать нечего, тебѣ еще вчера слѣдовало бы отказаться.

— Но вѣдъ мой отказъ надѣдаетъ большихъ хлопотъ Евгению ¹⁾. Билеты на «Ляпунова» вѣрно ужъ разобраны... Чѣмъ же онъ замѣнить?

— Что тебѣ объ этомъ беспокоиться; посылай скорѣе письмо и позови доктора. — Жена и дочь спросили его: «кого изъ докторовъ въ нему пригласить?»...

Здѣсь я нахожу необходимымъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ то время гомеопатія была въ Петербургѣ въ большой модѣ; о ней рассказывали невообразимыя чудеса. Года за два до своей болѣзни, братъ мой былъ въ гостяхъ у Василья Григорье

¹⁾ Евгений Макаровичъ Семеновъ, зять нашъ, исправлялъ тогда должность члена репертуарной части. Гедеоновъ былъ тогда въ Москвѣ. П. К.

веча Жукова; тутъ одинъ изъ его гостей, купецъ Буторинъ, разговорился съ братомъ о докторахъ и насаказалъ ему съ три короба о чудесахъ новомоднаго леченія; что-де и онъ и жена его совершенно умирали и что они оба были спасены своимъ домашнимъ докторомъ-гомеопатомъ; къ довершенію похвалъ назвалъ онъ еще нѣсколькихъ изъ своихъ знакомыхъ, которымъ онъ рекомендовалъ этого чудотворца, и тѣ чуть-ли не воскресли изъ мертвыхъ. «Дай Богъ вамъ, Василій Андреевичъ, прожить сто лѣтъ, — прибавилъ Буторинъ, — но если вы серьезно захвораете, не зовите этихъ шарлатановъ-алопатовъ, а обратитесь къ моему доктору... Вотъ вамъ на всякій случай его визитная карточка съ адресомъ».

Братъ хотя положительно не вѣрилъ этимъ чудесамъ, но сунулъ въ жилетный карманъ эту карточку и, конечно, забылъ о ней.

Прошло два года; дочь его въ продолженіе этого времени вышла замужъ; у нея уже былъ малютка; на четвертомъ мѣсяцѣ онъ захворалъ, послали за своимъ докторомъ... но въ этотъ день пріѣхала къ нимъ одна знакомая имъ дама—звать моего брата съ его семействомъ къ себѣ на именины; жена и дочь его отказались, по причинѣ болѣзни ребенка. Тутъ эта гостыя спросила: «А кто его лечитъ?» — Такой-то. — «Ахъ, — говоритъ она, — возьмите нашего домашняго доктора-гомеопата... Если я, мой мужъ и мои дѣти теперь еще живы, то рѣшительно ему обязаны!» Опять пошли новые рассказы и подробности о чудесахъ гомеопатіи... Въ заключеніе она сообщила имъ его адресъ, имя и фамилію; однако-жъ, ни братъ, ни дочь его не рѣшились послѣдовать ея совѣту.

На другой день братъ мой поѣхалъ на званія именины; мужъ этой дамы, старинный его пріятель, былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, мнѣніе котораго братъ мой всегда уважалъ; его восторженныя похвалы домашнему ихъ доктору поколебали въ моемъ братѣ прежнее недовѣріе къ гомеопатіи. Дня черезъ два послѣ этихъ именинъ, сталъ онъ поутру одѣваться, и тутъ случайно выпала у него изъ жилетнаго кармана визитная карточка, данная ему два года назадъ Буторинимъ... онъ прочелъ фамилію... и что же оказалось? Это былъ тотъ самый гомеопатъ, ко-

тораго такъ расхваливалъ на именинахъ его пріятель!.. Братъ мой сообщилъ объ этомъ женѣ своей и дочери, и тутъ же всѣ рѣшили обратиться за совѣтомъ къ этому знаменитому гомеопату. Болѣзнь груднаго ребенка была ничтожна, гомеопатъ посоветывалъ только переменить кормилицу, и малютка черезъ нѣсколько дней поправился.

Теперь я обращаюсь къ прерванному мною разсказу. Люди, обладающіе крѣпкимъ здоровьемъ, обыкновенно не любятъ лечиться, а если когда случится имъ занемочь, то ограничиваются домашними средствами, не прибѣгая къ медицинской помощи. Таковъ былъ и братъ мой. Однажды только онъ сильно захворалъ воспаленіемъ легкихъ и тогда ему помогъ нашъ театральнй докторъ Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ (тотъ самый врачъ, о которомъ вспоминаетъ въ своихъ Запискахъ покойный Михаилъ Ивановичъ Глинка). Я помню какъ въ этотъ разъ жена моего брата, опасаясь печальнаго исхода его болѣзни, пригласила на помощь знаменитаго тогда лейбъ-медика Николая Федоровича Арендта. Арендтъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больнаго, пересмотрѣлъ внимательно рецепты и, обратившись къ намъ, сказалъ: «къ чему же вы меня звали? это вѣдь, какъ говорится, послѣ ужина горчица; тутъ сдѣлано все, что было нужно, болѣзнь уже прошла. Кромѣ того, что дѣлаетъ Гейденрейхъ, я ничего не могу еще посоветывать»...

Въ настоящемъ случаѣ шелъ вопросъ о томъ, кого изъ двоихъ докторовъ пригласить: Гейденрейха, или гомеопата? Никто первый не рѣшался подать своего голоса, какъ бы опасаясь, въ случаѣ печальнаго исхода, принять за этотъ совѣтъ грѣхъ на свою совѣсть. Можетъ быть, въ эту роковую минуту рѣшался вопросъ о жизни больнаго. Наконецъ, спросили его, какъ онъ самъ пожелаетъ?

— Мнѣ все равно, — какъ-то апатично отвѣчалъ братъ, — впрочемъ... впрочемъ, пошлите за гомеопатомъ.

Въ этотъ день я участвовалъ въ утреннемъ и вечернемъ спектакляхъ и потому не могъ у него остаться. Въ воскресенье, навѣстивъ его, я узналъ, что знаменитый гомеопатъ сказалъ, что

не находить ничего важнаго въ его болѣзни, и прописалъ ему какія-то крупинки.

Я, разумѣется, ежедневно посѣщалъ моего брата и видѣлъ, что болѣзнь его не только не уменьшается, но замѣтно дѣлается серьезнѣе. Въ первые два или три дня онъ выходилъ по вечерамъ изъ своего кабинета въ гостиную, гдѣ отъ скуки игралъ въ преферансъ съ своею дочерью и зятемъ. Въ это же время захворала его жена, которую тотъ же гомеопатъ началъ пользоваться. На четвертый день братъ мой слегъ въ постель. Когда онъ жаловался доктору, что не можетъ дотронуться до лба, въ которомъ ощущаетъ нестерпимую колючую боль, то гомеопатъ увѣрялъ его, что это легучій ревматизмъ, налѣпилъ на его лобъ какія-то бумажки и продолжалъ угощать его своими каплями и крупинками.

Однажды братъ мой сказалъ ему: «Андрей Андреевичъ (имя доктора), — вы смотрите, не уморите меня».

— Что вы, Богъ съ вами, Василий Андреевичъ, развѣ я не знаю какого человѣка я взялся лечить? Вѣдь еслибъ это случилось, такъ мнѣ бы отъ почитателей вашего таланта въ Петербургѣ проходу не было. Вотъ болѣзнь вашей супруги меня болѣе озабочиваетъ, а вы о себѣ не безпокойтесь; въ болѣзни всѣ нетерпѣливы.

Въ другой разъ этотъ самоувѣренный знахарь, послѣ своей визитаціи, вышелъ въ залу, гдѣ сидѣла дочь брата; она также заявила ему свое безпокойство, что отецъ ея не чувствуетъ до сихъ поръ никакого облегченія.

— Помилуйте, — отвѣчалъ онъ, — еслибъ я не былъ увѣренъ въ благополучномъ результатѣ, я бы, какъ честный врачъ, первый потребовалъ бы консилиума. Ручаюсь вамъ моею головою, что дней черезъ шесть, или семь, онъ будетъ вотъ на этомъ самомъ столѣ играть съ вами въ преферансъ.

Это было сказано ровно за недѣлю до того дня, когда его пациента дѣйствительно положили на этотъ столъ.

Между тѣмъ болѣзнь брата съ каждымъ днемъ ожесточалась все болѣе и болѣе, жаръ усиливался и вскорѣ послѣдовалъ полный упадокъ силъ; онъ почти непрерывно погружался въ дремоту, иногда появлялся бредъ.

Какъ то вечеромъ, я одинъ сидѣлъ около его кровати и онъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь, Pierre, что я думаю?.. мы съ Брянскимъ иногда ссорились: ужъ не его ли похороны мнѣ подрадли эту болѣзнь? Ты помнишь, какъ долго я стоялъ съ открытою головою?..

Я старался его успокоить, вполнѣ понимая, что эти мрачныя, несвязныя мысли были продолженіемъ бреда. Онъ потомъ опять что-то началъ шептать, чего я не могъ разслушать.

Наконецъ, 10-го марта, гомеопатическая знаменитость, ручавшаяся своею головою за выздоровленіе своего пациента, начала терять голову. Невѣжда увидѣлъ, что дѣло плохо, что онъ не понималъ его болѣзни, что это не летучій ревматизмъ, а мозговой тифъ, и сказалъ намъ, что онъ желаетъ пригласить другаго... гомеопата! Но, разумѣется, его попросили не трудиться и я поѣхалъ къ Венцеславу Венцеславичу Пеликану и Ильѣ Васильевичу Буяльскому. Въ то же время покойный государь Николай Павловичъ, узнавъ о тяжелой болѣзни брата, прислалъ своего лейб-медика Филиппа Филипповича Кареля; они всѣ трое собрались на консилиумъ и увидѣли, что драгоценное время потеряно; что болѣзнь уже неизлечима. Однакожъ, пока человекъ еще дышетъ, врачи обязаны употреблять всѣ способы къ его спасенію. Такъ было и тутъ. Три эти знаменитые медика согласились между собою какъ продолжать леченіе, и Буяльскому предоставлено было слѣдить за ходомъ болѣзни.

Само собою разумѣется, что, при появленіи въ дому трехъ настоящихъ знаменитостей, гомеопатическая знаменитость должна была ступеваться... гомеопатъ обратился въ постыдный бѣгъ.... но, послѣ кончины моего брата, онъ всѣмъ рассказывалъ, что Каратыгинъ остался бы живъ, еслибъ ему не помѣшали алопаты! Послѣ энергическихъ мѣръ — шпанскихъ мухъ, пѣвоекъ и лекарствъ, больной почувствовалъ нѣкоторое облегченіе... Онъ вскорѣ пришелъ въ сознаніе.

Открывъ глаза, онъ увидѣлъ подлѣ себя Буяльскаго, протянулъ ему руку и сказалъ: «А! Илья Васильевичъ здравствуйте». Буяльскій началъ его осматривать, раскрылъ ему грудь и, желая его успокоить, съ улыбкою сказалъ ему: «Эхъ! какая богатырская грудь! какіе славные мускулы... съ такимъ жизненнымъ запасомъ дѣло еще не потеряно. Когда горитъ зданіе, надо дѣйствовать ведрами и ушатами, а не спринцовками; мы, съ Божіею по-

мощью, починимъ васъ». Когда ушелъ Бузальскій, я поцѣловалъ брата и сказалъ ему: «Теперь пойдетъ дѣло на ладъ, ты скоро поправишься». — «Да я въ этомъ и не сомнѣвался», — отвѣчалъ онъ.

А смерть уже придвигалась къ его изголовью.

Временное облегченіе было непродолжительно; къ вечеру онъ снова впалъ въ забытіе. На эту ночь я оставилъ при немъ двоихъ сыновей моихъ, которые давали ему лекарства, наблюдали за нимъ и записывали, каждыя десять минутъ, обо всемъ, что происходило съ нимъ въ продолженіе всей ночи. Сынъ мой Петръ сказывалъ мнѣ потомъ, что подъ утро, когда онъ отошелъ отъ кровати за лекарьствомъ, братъ мой, безо всякой помощи, самъ приподнялся, тихо перекрестился и, опустясь на подушки, снова погрузился въ прежнюю дремоту. Это было послѣднее сознательное движеніе руки, можетъ быть, послѣдняя мысль страдальца обратиться къ помощи того, безъ чьей святой воли нѣтъ надежды на выздоровленіе. Наступило 12-е марта; во весь этотъ день онъ уже не открывалъ глазъ и ни на минуту не приходилъ въ сознание; не было ни стопа, ни бреда, онъ постепенно угасалъ... Къ вечеру началъ метаться... приближалась предсмертная истома. Я послалъ своего сына за нашимъ общимъ духовникомъ, протоіереемъ Петромъ Успенскимъ; черезъ нѣсколько времени онъ явился со св. Дарами, причастилъ умирающаго и братъ мой тихо скончался...

Это было съ четверга на пятницу 13-го марта, въ 12³/₄ часовъ ночи.

Въ послѣдствіи, по кончинѣ моего брата, соображая всѣ грустныя обстоятельства его болѣзни, ея начало, причины и злополучный выборъ врача, мнѣ казалось, что во всемъ этомъ былъ какой-то неизбѣжный fatum.

Если братъ, дѣйствительно, простудился на похоронахъ Брянскаго, стоя нѣсколько минутъ на морозѣ съ открытою головою, то ему, именно ему одному, нельзя было, по принятому обычаю, поступить иначе, не обративъ на себя вниманіе всѣхъ товарищей и постороннихъ людей; всѣ сочли бы это не только неприличнымъ, но явнымъ неуваженіемъ къ старѣйшему изъ его товарищей, бывшему нѣкогда соперникомъ его по искусству. Внезапная смерть Гусевой не могла также вредно не подѣйствовать на

него и не усилить болѣзни. Не насажи ему старинный его пріятель, которому онъ вполнѣ вѣрилъ, о чудесахъ гомеопатіи, не дай ему купецъ Буторинъ злополучной карточкы, которая два года лежала у него въ карманѣ и выпала оттуда тогда именно, когда нужно было призвать доктора, — безъ этихъ обстоятельствъ, можетъ быть, онъ обратился бы къ другому врачу и не спустилъ бы въ свой домъ такого знахаря, который не умѣлъ отличить тифа отъ ревматизма, тогда, можетъ статься, исходъ его болѣзни не имѣлъ бы такихъ печальныхъ послѣдствій. Впрочемъ, мы всѣ любимъ пофилософствовать, дѣлаемъ свои предположенія на теоріи вѣроятностей, а на практикѣ это ни къ чему не служить.

«Пофилософствуй—умъ вскружится», — говоритъ Фамусовъ; но есть другое изреченіе, передъ которымъ безмолвствуютъ всѣ наши мудрствованія: «положенъ предѣлъ, его же не преидеши».

Съ этимъ знаменитымъ гомеопатомъ, по смерти брата, я, слава Богу, нигдѣ не встрѣчался; говорятъ, онъ еще и теперь здравствуетъ: вѣроятно, не лечитъ самого себя; что же касается до тѣхъ, которые рекомендовали его моему брату, они оба давно уже отошли къ праотцамъ. Вскорѣ послѣ похоронъ брата, я гдѣ-то встрѣтилъ купца Буторина и посоветывалъ ему: впередъ не сватать невѣсть и не рекомендовать докторовъ: первыя могутъ отравить нашу жизнь, а вторыя—сократить ее.

Полутру, часовъ въ 9 (13-го марта), когда въ залѣ положенъ былъ на столъ усопшій мой братъ и вся его семья и родные стояли у смертнаго его одра, явился отъ покойнаго Государя дежурный фельдъегерь и сказалъ вдовѣ моего брата:

— «Его императорское величество, узнавъ о кончинѣ вашего супруга, приказалъ мнѣ лично передать вамъ искреннее и глубокое сожалѣніе его величества къ вашей горестной утратѣ».

Она, упавъ на колѣни и обливаясь слезами, просила его доложить Государю, что не находитъ словъ, которыми могла бы выразить свою душевную благодарность за такое неоцѣненное вниманіе его величества!—15-го числа, въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, послѣдовалъ выносъ тѣла покойнаго въ церковь Благовѣщенія (что при Конной гвардіи). Замѣчательно, что объ этомъ выносѣ не было предварительно сказано ни въ одной газетѣ, но

уже съ 4-хъ часовъ пополудни вся набережная Мойки у Синяго моста, самый мостъ и Исаакіевская площадь были заняты сплошною массою народа...

Когда выносили гробъ изъ дому, дроги подвинулись къ крыльцу, но почитатели покойнаго, несшіе гробъ, какъ по условію закричали: «не надо, не надо! Мы на рукахъ его донесемъ»... и дроги пустя потянулись за гробомъ, который, переходя изъ рукъ въ руки, былъ донесенъ до церкви.

Въ продолженіе всей ночи, наванунѣ его похоронѣ, церковь невозможно было запереть, по причинѣ огромнаго стеченія народа, желавшаго въ послѣдній разъ взглянуть на усопшаго и проститься съ нимъ; по той же причинѣ, въ понедѣльникъ, въ день отпѣванія, принуждены были впускать въ церковь по билетамъ.

16-го марта совершена была заупокойная обѣдня соборнѣ, за которой послѣдовало и отпѣваніе. Съ самаго ранняго утра народъ всевозможныхъ званій и возрастовъ толпился около церкви, въ ожиданіи похоронѣ. По окончаніи отпѣванія, гробъ вынесли изъ церкви и также (какъ наванунѣ) не поставили на дроги, а на рукахъ донесли вплоть до Смоленскаго кладбища ¹⁾. Многіе тогда сожалѣли, что не были приготовлены носилки и потому самый гробъ трудно было видѣть въ толпѣ народной массы: онъ то поднимался къ верху, то снова тонулъ въ волнахъ безмолвныхъ, уносившихъ эту печальную ладю къ тихому пристанищу вѣчнаго упокоенія. На гробу лежалъ лавровый вѣнокъ, вполне заслуженный честнымъ артистомъ, тридцатитрехлѣтнимъ служеніемъ своему искусству. До самаго кладбища, по обѣимъ сторонамъ улицъ Васильевскаго острова, по которымъ слѣдовала похоронная процессія, стояла необозримая толпа народа. Не смотря на зимнюю еще пору, во многихъ домахъ были открыты балконы, наполненные любопытными зрителями. Ни одному изъ прежнихъ петербургскихъ артистовъ до того времени не было ока-

¹⁾ Въ числѣ лицъ, выносившихъ его, были генералъ-адъютанты: Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, А. А. Катенинъ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, А. А. Жандръ, Н. И. Вахтинъ и нѣсколько другихъ савонниковъ.

зано такого народнаго почета, такого искренняго сожалѣнія объ его утратѣ. Эта непритворная грусть ясно выразилась тѣмъ безмолвіемъ и торжественною тишиной, которая не нарушалась въ продолженіе всего скорбнаго пути.

На этихъ похоронахъ не требовалось никакихъ полицейскихъ распоряженій для соблюденія порядка, потому что онъ самъ собою нигдѣ не былъ нарушенъ; тутъ не было эксцентричныхъ возгласовъ: «шляпы долой!» и тому подобнаго.

По прибытіи на кладбище и по совершеніи духовенствомъ обычнаго обряда, гробъ былъ опущенъ въ могилу... но когда появились могиляки съ заступами—многіе закричали: «ступайте прочь! не надо заступовъ, мы это сдѣлаемъ своими руками», и въ нѣсколько минутъ могила не только была вплотъ засыпана землею, но надъ нею образовался высокій курганъ, потому что большая часть присутствовавшихъ долгомъ себѣ поставили бросить горсть земли въ могилу усопшаго, а ихъ было нѣсколько тысячъ...

Дней черезъ шесть послѣ похоронъ моего брата, я пошелъ навѣстить мою невѣстку и тутъ, на углу Большой Морской, встрѣтилъ покойнаго Государя, возвращавшагося изъ дворца великой княгини Маріи Николаевны. Я, снявъ шляпу, поклонился ему, и онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Здравствуй... Какое у васъ несчастье! Какъ мнѣ жаль твоего брата! Расскажи, какъ это случилось?

Я въ короткихъ словахъ передалъ ему о причинѣ болѣзни и о прочемъ. Когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Жаль, душевно жаль! Скорблю о немъ не только какъ о прекрасномъ артистѣ, но и какъ о человѣкѣ... Это невозвратимая потеря для искусства.

Мои слезы были отвѣтомъ на эти великодушныя слова обожаемаго мною Государя!...

Такъ отнесся Государь къ смерти честнаго артиста... О сочувствіи всей столицы я уже рассказалъ; не безучастна къ смерти брата была и печать: нѣсколько некрологовъ и стихотвореній на его кончину было напечатано въ газетахъ. Припоминаю отрывокъ изъ стихотворенія В. Г. Бенедиктова:

•Изнемогаетъ... палъ: такъ ломить кедръ гроза!
 Онъ палъ! Съ его чела вамъ смотритъ смерть въ глаза;
 Спускаютъ занавѣсъ. Какъ бурные порывы,
 Летать со всѣхъ сторонъ и крики и призывы:
 «Его! его! Пусть намъ онъ явится! Сюда!!»
 Нѣтъ, люди: занавѣсъ спустилась навсегда!
 Кулисы вѣчности задвинулись. Не выйдеть!
 На этой сценѣ мѣръ его ужъ не увидить!
 Нѣтъ! Смерть, которую такъ вѣрно онъ не разъ
 Во всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
 Сдѣлала его въ единый мигъ случайный
 Адептомъ высреннимъ своей послѣдней тайны.
 Прости, собрать-артистъ! Прости, со-человѣкъ!
 Съ благоговѣннѣмъ нашъ просвѣщенный вѣкъ
 На твой взираетъ прахъ признательнымъ окомъ,
 И мыслить: ты служилъ на поприщѣ высокомъ,
 Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей,
 Чтобъ намъ изображать природу и людей,
 И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства!
 Ты жегъ свой оніамъ на алтарѣ искусства
 И путь свой проходилъ, при вликахъ торжества,
 Земли родимой въ честь, во славу Божества!

VIII.

Вѣроятно, многіе изъ петербургскихъ жителей и теперь еще
 помнятъ, какъ, вскорѣ послѣ похоронъ моего брата, ходили по
 городу нелѣпыя слухи: что онъ, будучи въ летаргїи, похороненъ
 живой, что, яко бы, когда вскрыли его могилу для постановки
 памятника, то увидѣли крышу сдвинутою, а трупъ въ гробу
 оказался перевернутымъ на бокъ! Разумѣется, ничего этого не
 было и быть не могло, потому, во-первыхъ, что его хоронили
 на четвертыя сутки, когда на тѣлѣ его уже оказались явные знаки
 тлѣнія; а во-вторыхъ, когда назначено было приступить къ ра-
 ботѣ, то зять моего брата (В. Е. фонъ-дерь-Паленъ) безъ себя
 не велѣлъ вскрывать могилы, и въ его присутствїи она была
 разрыта, потомъ сняты доски, покрывавшія каменный ящикъ, въ
 которомъ помѣщался гробъ, и гробъ былъ, конечно, цѣлъ и не-
 вредимъ...

Но откуда досужіе пустомели выкопали такую нелѣпицу? Кто
 сочинилъ эту романическую легенду? Хотя людская молва часто

изъ мухи дѣлаетъ слона, но должна быть какая нибудь муха. Не пригрезилось же это кому нибудь во снѣ?..

По прошествіи нѣкотораго времени, просто изъ любопытства, я сталъ доискиваться, не удастся ли мнѣ поймать гдѣ нибудь эту могильную муху и, дѣйствительно, мнѣ наконецъ удалось найти, если не муху, такъ человѣка, который былъ «съ мухой», въ день похоронъ моего брата; отъ него-то и разнеслась эта нелѣпность. Вотъ что я узналъ отъ одного изъ бывшихъ тогда кладбищенскихъ сторожей. Когда всѣ уже почти удалились съ кладбища, то нѣкоторые изъ особенно страстныхъ поклонниковъ моего брата оставались тамъ помянуть его, до глубокихъ сумерекъ; это были люди купеческаго званія, между ними первенствовалъ купецъ Николай Герасимовичъ Дмитріевъ, торговавшій тогда въ миллионныхъ лавкахъ подъ № 9, куда зачастую покойный братъ мой заходилъ ѣсть устрицы. Этотъ Дмитріевъ привезъ съ собою полную корзину заусокъ и чуть-ли не цѣлый ящикъ вина.

Извѣстно, что русскій человѣкъ пьетъ и съ радости и съ горя; съ послѣдняго всегда еще сильнѣе—и тутъ, надъ свѣжею могилой, лились и слезы и вино, въ перемежку. На этихъ поминкахъ Дмитріевъ и его товарищи припоминали и трагедіи и драмы, въ которыхъ покойникъ приводилъ ихъ въ восторгъ, и горевали объ утратѣ, понесенной ими въ лицѣ любимаго артиста, и, конечно, ихъ грусть была искренна, потому что имъ не передъ кѣмъ было играть комедію, какъ зачастую на похоронахъ разыгрываютъ наслѣдники богатыхъ купцовъ: дѣдушекъ, дядюшекъ, и даже родителей. Свидѣтелями этихъ поминокъ были только кладбищенскіе сторожа, которыхъ они угостили до положенія ризъ. Наконецъ, поминальщики вспомнили, что пора имъ съ мѣста вѣчнаго покоя отправиться на покой во-своихъ.

Хотя выпито было достаточно, но запасъ былъ такъ великъ, что осталось нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Тутъ Дмитріевъ велѣлъ подать остальное вино и, утирая слезы, вскричалъ: «Дай Богъ тебѣ царство небесное, голубчикъ Василій Андреевичъ, а вотъ какъ мы всѣ тебя любили и уважали!...», и при этихъ словахъ, отбивъ горлышки у бутылокъ, вылилъ все вино на его могилу ¹⁾.

¹⁾ Обо всемъ этомъ я слышалъ отъ самого Дмитріева. П. К.

Да не осудятъ, мои почтенные читатели эту эксцентрическую выходку добродушнаго купца. Всякій по своему изливаетъ свои чувства! Тутъ въ послѣдній разъ пропѣли они «вѣчную память» усопшему и разѣхались по домамъ; сторожа также разбрелись по своимъ мѣстамъ; но одинъ изъ нихъ, который, вѣроятно, отъ обильнаго угощенія не могъ сойти съ мѣста, прилегъ на церковной лѣстницѣ, находившейся рядомъ съ могилой моего брата, и заснулъ тутъ мертвымъ сномъ. Въ полночь этотъ бѣдняга, конечно, прозябъ... проснулся, и не могъ понять что съ нимъ тутъ случилось; началъ припоминать вчерашнія похороны и въ полупьяномъ его воображеніи начали представляться фантастическія картины: этотъ необыкновенной величины гробъ, никогда не бывалое огромное стеченіе народа ¹⁾... Передъ его глазами возвышалась могильная насыпь, тоже необыкновенной величины... все это нагнало на него такого туману, что онъ просто ошалѣлъ... долго онъ не могъ придти въ себя.. вдругъ ему послышался стонъ изъ могилы... его затрясла лихорадка... онъ кое-какъ приподнялся, подошелъ къ могилѣ поближе и стонъ повторился. Онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ священнику, переполошилъ весь домъ; кричить, что у нихъ на кладбищѣ случилось несчастіе: похоронили живаго человѣка!!!

Священника разбудили; онъ съ первыхъ словъ увидалъ, что сторожъ мертвецки пьянъ, поретъ горячку, и велѣлъ его вытолкать въ шею! Но слуга священника, изъ любопытства, пошелъ вмѣстѣ со сторожемъ на могилу. Слуга, какъ ни слушалъ, какъ ни прикладывалъ ухо къ землѣ, конечно, ничего не было слышно. «Ну, значитъ, опоздали!—вздохнувъ, сказалъ пьяница,—таперича, значитъ, померъ взаправду».

—Погоди, задастъ тебѣ батюшка завтра трезвому, что ты спяна его потревожилъ,—сказалъ слуга и пошелъ домой. Наутро, конечно, сторожъ проспался и священникъ началъ его бранить за вче-

¹⁾ Въ это время, у самаго смоленскаго моста, находилась кондитерская Фейфера. Въ день похоронъ моего брата, былъ такой наплывъ посѣтителей въ это заведеніе, что весь его запасъ истощился, и Фейферъ потомъ говорилъ: «вотъ еслибы въ году было двое или трое такихъ похоронъ, такъ лучшаго мѣста и желать не надо!»

рашнюю передрагу. Но тотъ, чтобы оправдать себя передъ начальствомъ, божился и клялся, что онъ не былъ пьянъ и что дѣйствительно слышалъ стонъ покойника, и послѣ всѣмъ то же повторялъ. И такъ, вопреки пословицѣ, что у пьянаго было на умѣ, то у трезваго осталось на языкѣ.

Безпрерывные разспросы объ этой нелѣпой исторіи, наконецъ, мнѣ до смерти надоѣли, и когда нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ меня спрашивали: правда ли, что мой братъ въ гробу перевернулся? я имъ отвѣчалъ: «помидуйте, господа, какъ же ему не перевернуться въ гробу, когда лучшія его роли теперь только лѣтвивый не играетъ!»

С.-Петербургъ.

П. А. Каратыгинъ